

Н.М.Парфенов, краевед

Лысьва и лысьвенцы

Лысьвенский муниципальный район – это маленькая частичка, равная 2,3% территории огромного Пермского края. Не велико количество его жителей. В лучшие для демографической ситуации 1960-е годы количество населения переваливало за 100 тыс. человек. В эти годы высказывались предположения, что к 1990-м годам численность населения Лысьвы и района достигнет 130 тыс. человек. Однако в действительности уже во второй половине 1960-х годов количество населения стало резко снижаться. Сначала за счет оттока трудоспособного населения за пределы района, затем в связи с сокращением рождаемости.

Первые официальные упоминания о заселении лысьвенских земель людьми относятся к ХУП веку. В.Н.Шошонко в своей Пермской летописи сообщает: «Лета 1647 года марта в 26 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича (указу – Н.П.)...воевода Прокопий Козмич Елизаров именитых людей в Строгановых вотчинах, взяв у них, Строгановых, роспись за руками, что у них в вотчинах крестьянских и бобыльских дворов и во дворах людей и их детей, и братьи, и племянников, и сосед, и захребетников, и пустых дворов, и дворовых мест и по той росписи в Строгановых вотчинах дворы и во дворах людей, пересмотря, переписать велел:... деревня на устье речки Лысьвы, на речке Чусовой, с 4 дворами», а ниже уточняется: «...деревня на устье речки Лысьвы с 2 дворами... и на речке Лысьве с 2 дворами». Речь шла о четырех полужемлянках. По всей вероятности жили в них коми – пермяки, добывавшие себе пропитание рыбалкой и охотой.

Реку Чусовую и ее притоки издревле обживали коми-пермяки и вогулы (манси). Об этом свидетельствуют названия больших и средних по протяженности рек, являющихся притоками Чусовой. Коми-пермяки дали название Чусовой, Лысьве, Койве, вогулы - Вашкору, татары и башкиры - Чизме, Кумышу, Кутамышу.

В силу экономических и географических особенностей Урала современная территория района заселялась людьми неравномерно. Это было связано с тем, что в XIII-XIV веках сначала на юго-востоке был построен Кыновский, а уже потом на северо-западе – Лысьвенский завод. Именно в заводах и вокруг них была сосредоточена большая часть населения. Подавляющее большинство составляли русские.

В юго-западной части района компактно проживала тюркская группа так называемых сылвенско – иренских татар.

Татары

Примерно в конце ХУП века долину реки Шаквы, протекающей в юго-западной части Лысьвенского района, стали осваивать татары, которые переживали период перехода от полукочевого к оседлому образу жизни. Не совсем ясны этнические корни лысьвенских татар. Г.Н.Чагин указывал, что «татарское население имело сложное происхождение», а его основу «составили поволжские тюрки-булгары, кипчаки, татары, к которым присоединились татары из Сибирского ханства и башкиры». Во всяком случае сами шаквинские татары идентифицируют себя с казанскими татарами. Предки татар продвигались со стороны современных Кунгурского и Березовского районов и селились в бассейне реки Шаквы. От нее и получили название «шаквинские татары». Г.Н.Чагин насчитывал 14 татарских поселений, основанных в долине реки Шаквы к 1704-1719 годам.

Самая северная точка ареала компактного расселения татар в Лысьвенском районе – это деревня Сосновое Болото. Общинными центрами были деревни Канабекова (Канабеково, а затем Канабеки) и Олы кул (Конец Гор, а позднее Аитково). Вокруг

поселения Канабеково выросли выселки и хутора Большая и Малая Шадейка, Большой Кысмыл, вокруг Аитково - Арзя, Вакса, Сова и др. Все шаквинские татары были объединены в административно - территориальную единицу, называемую Шаквинской четвертью.

В историческом плане это уникальное этно-культурное образование последовательно формировалось в условиях ассимиляции с различными этническими группами (марийцами, мордвой, остяками, чувашами, удмуртами) с одной стороны и, культурно-лингвистической изоляции в окружении русско – говорящего этноса, с другой стороны. При этом татары сохранили национальное самосознание и главное сокровище любого народа – свой язык. И сохранили настолько хорошо, что в настоящее время языковеды – тюркологи черпают из него знания об истории, языке и культуре не только татар, но и других тюркских народов.

В.А.Мокшеев, изучавший в 1723 году быт татар проживающих в верховьях р.Шаквы, отмечал их гостеприимность, доброжелательность, общительность. Он, в частности, указывал на их жизненный уклад и внешнее сходство с народами Казанского ханства. В наше время это же отмечала кандидат филологических наук канабековская учительница З.А.Мухаева. В своей монографии «Топонимия территории пермского говора татарского языка (Юга Пермской области)» она пишет, что «Татары Пермской области очень много общего имеют с казанскими татарами: по обычаям и обрядам, хозяйственному укладу и т.д.» О давней связи с поволжскими татарами свидетельствуют артефакты, найденные аитковскими школьниками из ученической поисковой организации «Наследники». Они, в частности, обнаружили у жителей деревни Конец Гор (Олы Кул) монеты достоинством 5 танге, отчеканенные в 1515 году в Казани. На картах Пермского уезда конца XIX – начала XX века в 13-15 км от деревни Аитково в среднем течении реки Юрман стояла деревня под названием Казань.

На общие черты национального костюма шаквинских татар с другими группами пермских татар указывал ученый – этнограф А.В.Черных: «Основой женского костюма также была рубаха кулмэк: верхняя часть рубахи была туникообразного покрова... Одежда также изготавливалась преимущественно из узорных тканей домашнего производства. Рубаха носилась в комплексе с передником ал ябу, ал чупрек, альяпкыч, запон (ом). Сложными были женские головные уборы: косынка коечка, волосник магалайча, повязка из позумента битлек. Наиболее распространенным головным убором постепенно становятся калфаки (известно несколько видов). Женский костюм дополнялся многочисленными серебряными украшениями. Мужской костюм татар был менее разнообразен. Он включал рубаху и штаны. Рубаха чаще всего изготавливалась из пестряди в мелкую клетку и орнаментировалась разноцветной вышивкой или ткачеством». По мусульманскому обычаю мужчины носили на голове тюбетай.

Директор Аитковской общеобразовательной школы Ф.Г.Асанов нашел подлинный документ дворового списка деревни Олы Кул, относящегося к 1731 году. В документе говорилось, что в данной деревне было 37 дворов. Жители деревни считались подзаводскими крестьянами Никиты Демидова, приписанными к Шаквинскому заводу после его открытия в 1740 году. В течение XVIII и XIX веков аитковцы и канабековцы занимались разведением скота, охотой, рыболовством, пчеловодством, земледелием.

До середины XIX века численность населения росла медленно. Пришлых людей со стороны практически не было. Однако со второй половины XIX века наблюдается повышение рождаемости. Так, с 1859 по 1904 год население аитковской общины выросло с 501 до 1011 человек. Соотношение количества мужчин и женщин было примерно равным.

Свои дома татары строили по образцу русских изб из круглых бревен. По русскому же образцу в жилищах возводили глинобитые печи. Первоначально дома строились хаотично, на значительном расстоянии один от другого. С увеличением рождаемости во

второй половине XIX века увеличилось строительство новых жилища. Стали уплотняться площади, занимаемые поселениями, появились уличные застройки.

Во второй половине XIX века в аитковской общине стали селиться русские. Так возникла русская деревня Подволоч (Казан Авыл). Новопоселенцы занимались земледелием, держали магазин, мельницу, постоянный двор, разводили коней. Никаких межнациональных или межконфессиональных разногласий не было. Это факт подтверждается и тем, что большое количество татар в зимнее время искали и находили приработок в русских деревнях.

XX-й век с его революциями, войнами, коллективизацией, индустриализацией, хрущевскими реформами и чубайсовскими приватизациями сполна прошелся по судьбам шаквинских татар. К счастью, выросло молодое поколение, которое готово оценить историю предшествующих поколений и принять вызовы нового времени.

В начале XXI века в Лысьвенском муниципальном районе проживало 5843 татар.

Кыновляне

В незапамятные времена поселились люди на реке Чусовой и ее притоках, в том числе и на реке Кын. Археологи нашли в устье Кына бляху с изображением медведя в жертвенной позе: голова уложена между передними лапами. Находка стала одним из символов так называемого «пермского звериного стиля» - духовной и материальной культуры древних финно-угрских народов, живших в этих местах в IY – IX веках. Это были далекие предки коми-пермяков и вогулов (манси).

В труде «История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века» пермский ученый Г.Н. Чагин отмечал, что в деревнях Копчик и Бабёнки (на картах XIX в. – Бабёнка – Н.П.) ниже устья реки Кын жили вогулы. Он, в частности, приводит предание, записанное учеными Уральского университета: «В давние времена здесь вогулы жили. Пришли из – за леса три охотника-вогула, вырыли землянки, здесь и поселились. От них и пошла деревня. Потом выселенных прислали, русских. Стало два общества, две общины: вогулов и русских крестьян. Крестьяне землепашеством занимались, а вогулы – охотой». В другой своей книге «Этнокультурная история среднего Урала в конце ХУП – первой половине XIX века» он поясняет: «Из старых мансийских деревень в Чусовской волости в первой половине ХУШ века сохранились три: Бабенки, Копчик, Шугаева, в 1766 году в них проживало 89 человек. К концу ХУШ века осталось только две деревни. В деревне Копчик было 20 дворов, из которых 10 принадлежали русским владельческим крестьянам, а остальные – «новокрещеным ясашным вогулякам». А в деревне Бабенки, расположенной на противоположном от д. Копчик берегу Чусовой, из 9 дворов 5 было «ясашных вогуляков», остальные – русских крестьян...

Русские начали в массовом порядке заселять юго-восточную часть района после того, как в 1753 году «геодезии ученик Оборин и плотинный подмастерье Ермаков» провели обследование устья реки Кын, а барон Николай Строганов в 1759 году приступил к возведению чугуноплавильного и железоделательного завода. Предстоящий объем работ был невероятно велик, поэтому из своих вотчин барон начал направлять на строительство завода большое количество людей, благо их у будущего хозяина Кыновского завода было достаточно. До поры до времени он не трогал никого из 736 мастеровых, занятых работами на уже действующих заводах, а посылал в Кын крестьян и промысловых работников. На 16 февраля 1759 года в сельских вотчинах барона в общей сложности проживало 16034 души, промыслами занимались 2235 человек. В основном это были русские, хотя среди промысловых работников было немало коми – пермяков. Именно из числа этих людей и были набраны первые строители завода. Особенно много крестьян прибыло из Оханского и Соликамского уездов из сел Григорьевского, Богоявленского и Нердвинского. Если сравнивать характер работ с им подобными, но производимыми позднее на строительстве Лысьвенского завода, то в Кын строгановские приказчики согнали никак не меньше 2-3 тысяч человек и примерно такое же количество лошадей.

По классической схеме уральских железоделательных мануфактур XVIII века была перегорожена плотинами река Кын и образованы пруды (по одним данным их было три, по другим – четыре). В плотине самого большого нижнего пруда были сделаны прорезы для организованного стока воды, приводившей в движение водобойные колеса. Здесь же располагались железоделательные фабрики и склады. Готовую продукцию хранили в складах у пристани на реке Чусовой. У среднего пруда (Григорьевского) была возведена домна. Средний и верхний пруды использовались в качестве резервных на случай нехватки воды в нижнем пруду.

Примерно в полуверсте выше устья р. Кын на левом берегу Чусовой была построена пристань. В качестве строительного материала использовались огромные блоки, вытесанные из дикого камня и скрепленные между собой железными скобами. Здесь барки загружались железными изделиями Кыновского завода и начинали свой сплав вниз по Чусовой и Каме. В полуразрушенном состоянии плотина сохранилась до наших дней и является одной из достопримечательностей села Завод Кын.

Производство чугуна и железа требовало огромное количество рабочих рук, поэтому Кын и близлежащие территории, а также берега вдоль реки Чусовой стали заселяться подзаводскими крестьянами. Мастеровых, задействованных на «прямом производстве», селили непосредственно возле завода. Однако место для строительства жилья было крайне неудобно. Кын протекал в глубокой и узкой долине, поэтому в первую очередь все подходящие площади были заняты заводскими постройками. На ровных и удобных площадках строились заводские конторы, склады, жилье для начальства. Дома рабочих лепились по обеим сторонам завода на крутых склонах гор, так что огороды, возделанные за ними, были намного выше крыш. Учитель Л.Е.Воеводин, работавший в Кыновском училище во второй половине XIX века, писал: «На приезжающих Кыновской завод производит неприятное впечатление. Он расположен в ущелье, наполовину заполненным заводским прудом, впадающим в реку Чусовую. По берегам пруда грязные улицы – односторонки с пропитавшимися от заводского дыма домишками, часто приткнувшимися к самой горе». Кыновлянам приходилось использовать немало изобретательности, чтобы возвести не только дома, но и хозяйственные постройки, которые часто едва ли не повисали в воздухе. В качестве строительного материала использовали круглые бревна, изготовленные из леса, спиленного тут же возле поселка. Дома были небольшими, как правило, однокамерными, обращенными окнами в сторону реки. Двухскатные крыши покрывались тесом. В целом застройка нового поселка носила достаточно беспорядочный характер.

Основным источником существования кыновлян было жалованье, которое они получали за работу на заводе. Не редко деньги заменялись провиантом и другими «припасами», заготовленными заводским начальством. Однако часто ни того, ни другого не хватало, потому что расход провианта шел только на работающих на заводе. Дети и женщины в расчет не брались. По этой причине помимо заводских работ кыновлянами приходилось заниматься огородничеством, скотоводством, а иногда и хлебопашеством. В этой связи приходилось вырубать и раскорчевывать лес, распахивать пашни, чистить покосы, заготавливать сено и т.д.

Одновременно с возведением завода и поселка в окрестностях Кына стали строиться деревни. Их заселяли переселенцы из разных мест строгановских вотчин. О том, что это было именно так, свидетельствуют фамилии переселенцев, не похожие на фамилии коренных кыновлян. Вот, например, фамилии крестьян Бизевского сельского общества: Бабин Иван, Вожаков Артемий, Деминев Козьма, Зубов Гурьян, Катаев Андрей, Кожевников Спиридон, Кокшаров Назар, Крохалев Андриян, Кынгурогов Александр, Лучников Савва, Люшев Николай, Мазунин Осип, Попов Сафон, Пугин Трифон, Симанов Федор, Терехин Андриан.

К 1859 году в окрестностях Кына было 29 так называемых заводских деревень. Это было очень много, если учитывать, что на 45 частных уральских округов в среднем на

округ приходилось по 7 деревень. Появление этих поселений было связано с особенностями железоделательного производства, которое не могло обходиться без подсобных и вспомогательных работ. В их число входила заготовка дров, выжиг и подвозка угля, добыча руды и материалов, сопутствующих доменному производству, постройка барок и сплав готовой продукции по Чусовой, ремонт и контроль за состоянием плотин, обустройство внутризаводских дорог и межокружных трактов. Заводские деревни не возникали стихийно, а строились строго в соответствии с общим планом заводских работ и привязывались к определенному виду работ: заготовке топлива, транспортировке продукции или сырья. Некоторые деревни занимались производством сельскохозяйственной продукции для заводской администрации и, от части, для мастеровых. За свою работу, тяжелую, неквалифицированную, работники заводских деревень тоже получали денежную плату, но в гораздо меньших размерах, чем мастеровые, поэтому занятие собственным сельским хозяйством для них носило обязательный характер и было более масштабным, чем у заводских мастеровых. Жители каждой деревни выбирали старосту. Через них заводская администрация, проживавшая в центре владельческой территории – поселке Кыновской завод - выполняла свои управленческие функции. Именно из заводской конторы приходили «уроки» на вид и характер работ, сроки их выполнения, производились расчеты, назначались штрафы и т.п.

Примерно в то же время, что и Кыновской завод, в верховьях реки Барды был основан Бардинский соляной завод. Вероятно, и он принадлежал барону Николаю Строганову. Однако нет никакой информации о людях, строящих завод, о солеварах, о самом заводе, кроме обозначения на плане, скопированном с генеральной карты уральских заводов шихтмейстером Яковом Граматчиковым 30 апреля 1780 года.

Долгие десятилетия Кыновской завод был известен на российских рынках своими изделиями из железа. Знатоки без труда различали на разных сторонах листов кровельного железа клеймо Кыновского завода. На одной стороне листа значилось: «Кынъ. Г.Строганов.», с другой был вытеснено слово: «Сибир.» и силуэт соболя.

Подобно многим уральским заводам Кыновской выпускал продукцию для русской армии. Немалую ее часть занимали пушечная картечь и ядра. Долгое время и то, и другое поступало в войска не в лучшем виде: с раковинами и щербинами, пригоревшим песком и окалиной. Эти изъяны плохо сказывались на качестве стрельбы. Тогда кыновские умельцы предложили шлифовать картечь и ядра в специальных приспособлениях. О них писал И.С.Капцугович: «На заводе имелись большие колеса, приводимые в движение падающей водой в плотине. От них протянули приводы к длинной чугунной кадушке, куда клали ядра. Когда колеса начинали крутиться, они приводили в движение эту кадушку. Она вращалась, и ядра в ней терлись друг о друга. От этого они становились гладкими и чистыми. Потом другую кадушку приспособили, поменьше – для картечи. А еще позднее стали подсыпать в них крупнозернистый песок, чтобы крепче чугун продраивало».

Отменное трудолюбие, неустанная забота о хлебе насущном позволяли кыновлянам спокойно жить, воспитывать детей, безбоязненно смотреть в следующий день. За десятилетия, прошедшие со дня основания завода, в Кыну сложилось коренное население потомственных мастеровых. В списке дворовых людей графа С.А.Строганова на 1 января 1858 года значились: Аксенов (Андрей, Павел – первой значится имя глав семейства); Бобылев Тимофей; Бобылев (Василий, Вячеслав, Василий, Иван, Тимофей); Веретнов (Иван, Андрей, Семен); Веретнов (Савин, Петр); Волков (Петр, Александр); Вотинов (Максим, Аввакум); Вяткин (Емельян, Алексей); Вяткин 1-й (Иван, Григорий); Вяткин 2-й (Степан, Михаил, Тимофей); Вяткин (Михаил, Александр, Иван, Калистрат); Вяткин (Дмитрий, Григорий, Дмитрий, Елисей, Елисей, Иван, Иосиф); Голышев (Василий, Василий, Григорий, Евлампий); Губанов Егор; Девятков (Дмитрий, Степан, Павел, Михаил); Девятков Федор; Зырянов (Дмитрий, Петр, Павел); Иванов Андрей; Иванов (Василий, Леонтий, Николай, Михаил); Карельских (Павел, Александр, Константин);

Карельских (Лев, Анатолий, Петр Яков); Крюков (Иван, Петр); Куимов Михей; Куимов (Андрей, Василий, Иван, Неофит, Михаил); Куимов (Федор, Григорий, Прокопий); Кучумов Григорий; Кунавин Константин; Кучумов Иван; Неволин (Гаврило, Иван, Мартемьян, Семен); Нечаев (Григорий, Егор); Одинцев Иван; Онянов Федор Падучих Степан; Паркачев (Иван, Григорий, Ефим, Степан); Паркачев (Михаил, Павел); Ракшин (Иван, Матвей); Рачев (Кирилл, Василий); Распутин (Алексей, Григорий); Рачев (Петр, Леонтий); Рачев (Михаил, Долмат, Егор, Иван, Степан); Рачев (Степан, Петр, Федор); Рачев (Григорий, Михаил); Старцев (Илья, Павел); Старцев (Иван, Алексей, Василий); Тиунов (Максим, Алексей, Василий, Николай, Правел, Петр, Яков); Токмаков (Николай, Алексей, Алексей, Василий, Василий, Нестор, Николай, Петр); Ушаков (Степан, Александр, Василий); Фофанцев (Михаил, Александр, Василий, Иван, Павел, Яков); Шевырин Василий; Швецов (Василий, Илья); Шилоносов (Андрей, Григорий); Шумков (Иван, Григорий, Василий); Языков (Василий, Дмитрий, Иван, Леонтий, Филипп); Языков Пантелей; Языков (Петр, Иван, Михаил);

Географическое положение Кыновского завода было крайне удобным. С одной стороны – сообщение кыновлян с внешним миром осуществлялось по реке Чусовой, по которой можно было за 6-10 суток сплавиться до Перми, а за 45 – 48 суток – до Нижнего Новгорода. По Каме и Волге можно было попасть в Астрахань или сам Санкт – Петербург, только времени для этого, естественно, требовалось больше. Через Кыновской завод проходил Гороблагодатский тракт, являвшийся в свое время второй по важности после Чусовой транспортной артерией горнозаводского Урала. Первые затеси на вековых елках и соснах для него сделал вогул Иван Белов от Кушвенского завода до Ослянской пристани на Чусовой в 1735 году. Позднее тракт продлили на юго-запад до уездного города Кунгура.

Постоянная связь с внешним миром позволяла кыновлянам быть в курсе технических новинок, культуры, политических веяний, иметь широкий житейский кругозор. Через Кын часто проезжали горнозаводские начальники и от них в поселке узнавали о новостях из соседних заводов, останавливались писатели, художники, военные, горные инженеры, ученые, нередко здесь бывали иностранцы. В поселок приходили столичные и губернские газеты и журналы. Работники из числа заводской администрации и представители местной интеллигенции выписывали разнообразную художественную литературу, агрономические журналы из Москвы, Петербурга и из-за границы. Хорошо была развита торговая сеть. Кыновляне одними из первых в стране основали общество потребителей. Это случилось 18 ноября 1864 года. Члены общества могли приобрести в потребительской лавке товары по достаточно низким ценам. При заводе было создано акционерное общество, акции которого могли приобретать даже рабочие. В свободное время представители администрации, интеллигенция, мастеровые устраивали любительские спектакли, которые с интересом посещали жители поселка. Кын был одним из первых заводских поселков Урала, в котором читали «Манифест коммунистической партии» К.Маркса. Противоречия, которые время от времени появлялись в отношениях между работниками и администрацией, в основном решали прямо в Кыну на так называемых общественных собраниях или в местном суде, напоминающем по своей сути «третейский суд». Население поселка на начало 1869 года состояло из 2054 человек.

Экономический кризис, начавшийся со второй половины 1850-х годов, не обошел стороной и Кыновской завод. Для Кына он выразился прежде всего в острой нехватке рудного сырья. Старые рудники истощились, а поиски новых месторождений подтверждали давно известный факт: руда в районе Кына имелась, но в далеко разбросанных друг от друга небольших месторождениях. Рудные линзы были настолько малы, что не приходилось даже мечтать о добыче доменного сырья шахтным способом. В этой связи администрация завода обратилась к кыновлянам с предложением заняться добычей руды частным порядком. При этом цена на сданную руду была настолько привлекательной, что за кирку и лопату взялись даже чиновники и домохозяйки. В Кын

хлынул поток безработных мастеровых из закрытых уральских заводов, переезжали безземельные крестьяне. Рабочих мест для всех желающих не хватало. Однако рудный бум скоро закончился. Хищнически разграбленные месторождения руды перестали приносить доход рудокопам. Как следствие, сырьевой голод начал испытывать завод. В 1895 году население Кыновского завода достигло численности 7020 человек. Мастеровые и члены их семей начали голодать.

Экономические проблемы обрушились на тех кыновлян, кто так или иначе был связан со сплавом по реке Чусовой. В 1878 году многие промышленники и хозяева заводов, расположенных в верховьях Чусовой, отказались от массового сплава своей продукции по реке. Ей на смену пришла горнозаводская железная дорога. Работу стали терять сплавщики, работники пристани и складов, строители барок, лесорубы, заготавливающие для строителей древесину, грузчики, конторские служащие. Сплавное дело начало постепенно угасать. Стала хиреть торговля, поскольку не пользовались обычным спросом провиант, спиртные напитки для сплавщиков, а также канаты, скобяные изделия, строительные материалы для ремонта барок. С низовьев Камы и Волги перестали приходить бурлацкие артели, тянувшие за собой пустые барки в верхнечусовские заводы. В свое время они тоже оставляли немало денег в лавках местных торговцев.

До революции Кын был волостным центром Кунгурского уезда. С целью смягчения социальной напряженности в поселке, волостное правление всячески поощряло отхожие промыслы безработных мастеровых и жителей. Желаящим приработать на стороне выдавались пятикопеечные серебром билеты за подписью волостного старшины. Это был своеобразный «паспорт». В документе кроме фамилии, имени и отчества мастерового указывались его особые приметы и, самое главное, прописывался срок, на который он отпускался за пределы своего постоянного места жительства. В противном случае, «если же в течение льготного месяца после сего срока не явится (в Кын – Н.П.), то с ним поступлено будет как с бродягою». И это через двадцать лет после отмены крепостного права! Только за первую половину 1881 года подобных билетов было выдано более 300 экземпляров.

В 1870 – 1880-е годы наиболее доступными местами приработков для кыновлян были строительство Уральской горнозаводской дороги и Чусовского металлургического завода. В центр строительства, село Камасино, желающие получить работу приезжали на лошадях, сплавливались по реке Чусовой, приходили пешком. Подобно тысячам других наемных рабочих кыновляне в основном занимались прорубкой просек, заготовкой и подвозкой дров, леса, камня, копали траншеи для фундаментов.

В конце XIX – первой половине XX века немалое количество кыновлян, как мужчин, так женщин и детей, трудились в различных старательских артелях, которые занимались добычей золота и алмазов на реке Чусовой и ее притоках.

Отдаленность от железнодорожного сообщения, отсутствие сырьевой базы, моральное и физическое устаревание всего металлургического комплекса привело к тому, что в 1911 году (по некоторым данным в 1910 г.) Кыновской завод был закрыт. Начался стремительный отток населения в близлежащие заводы, в том числе и в переживающий свое второе рождение Лысьвенский завод.

Из кыновской земли вышло немало замечательных людей. Одним из них, его можно назвать кыновским Ломоносовым, был инженер-механик К.П.Карельских. Его семья была переселена в Кын из Соликамского уезда, куда попала, если судить по фамилии, откуда – то из северо-запада России. Константин Павлович родился в семье фельдшера в 1853 году. Мальчик блестяще закончил Кыновское двухклассное училище, потом Кунгурское уездное училище, чем заслужил право быть строгановским стипендиатом. Появилась надежда продолжить учебу в Москве. Получив родительское благословение, юноша с трудом добрался до Перми, а потом и до Москвы. В столице он решил поступать в престижное по тем временам Императорское московское техническое училище. Пытливый ум, целеустремленность, феноменальная работоспособность и страстное

желание учиться позволили ему по окончании училища получить разносторонние знания, звание инженера - механика и золотую медаль. Карельских ненадолго приезжал на родину, чтобы через два года вернуться в Москву и посвятить себя делу по организации первоклассного обеспечения жителей Москвы питьевой водой. Уроженец Кына совмещал в себе огромный талант хозяйственного руководителя, ученого, общественного деятеля и просто очень доброго человека. К.П.Карельских умер 13 сентября 1917 года в Москве.

Через год после смерти знаменитого кыновлянина на его малой родине развернулись драматические события. В августе – сентябре 1918 года кыновляне в полной мере испытали все ужасы гражданской войны: голод, смерть, унижения и издевательства, насильственные мобилизации мужчин, конфискацию лошадей. Через маленький поселок одна за другой прокатывались волны интернационального сброда: чехословаков, латышей, румын, мадьяр, немцев, китайцев, озверевших от крови русских - «белых» и «красных».

Закрытие завода и последовавшая за этим мировая и гражданская войны обескровили Кын. В поселке осталось население, связанное с сельскохозяйственным или лесным производством. В 1920 году Кын стал районным центром, в состав которого входило 70 населенных пунктов. Из числа оставшихся в селе мастеровых 2 августа 1921 года была создана кузнечно - слесарно-деревообрабатывающая артель. Она была сориентирована на удовлетворение потребностей крестьян близлежащих сел и деревень в ремонте сельхозинвентаря, изготовлении скобяных изделий, обеспечении пиломатериалами и столярными изделиями. С артелью сотрудничал небольшой лесоучасток, занимавшийся заготовкой деловой древесины и дров. Для снабжения населения товарами широкого потребления было создано сельпо. В Кыну и в нескольких деревнях, расположенных вдоль Чусовой, квартировали несколько небольших артелей, занимавшихся промывкой золота и алмазов. Значимым событием для кыновлян стал 1925 год, когда на реке Кын была возведена и пущена в действие небольшая электростанция.

Не смотря на то, что к 1926 году население села насчитывало всего 1271 человек, для многих не было работы. Не решила проблемы трудоустройства и вновь созданная артель «Обувь».

Начавшуюся в стране коллективизацию кыновляне и крестьяне окрестных деревень встретили весьма настороженно. Только в 1930 году в селе был организован колхоз. Постепенно колхозы создавались и в соседних с Кыном деревнях, некогда обслуживавших потребности завода. Всего было организовано 11 крестьянских коллективных хозяйств. Однако все они были маломощными и постепенно влились в кыновской колхоз имени Сталина, переименованный в 1961 году в колхоз «Мир». Первым председателем объединенного колхоза стал А.И.Нечаев. В 1953 году он и пчеловод П.В.Дылдин были участниками выставки ВДНХ. П.В.Дылдин представлял передовой опыт пчеловодства. С каждой пчелиной семьи он получал по 150 кг меда. За это кыновской колхоз был премирован грузовым автомобилем. (Первый трактор в колхозе появился в 1947 году. Фамилия тракториста была А.Мартин).

В 1932 году на полустанке Кын Западно-Уральской железной дороги, что в 18 километрах от села Завод Кын, был основан мехлесопункт от Чусовского леспромхоза треста «Чусовлесдревмет». У кынзаводских жителей появилась возможность получить работу, связанную с заготовкой леса, его транспортировкой и сплавом по рекам Кын, Серебряная, Чусовая. В 1937 году лесопункт превратился в самостоятельное лесозаготовительное предприятие, вследствие чего стали быстро расширяться масштабы лесозаготовок. В деревнях Кирпичная, Кумыш, Усть-Серебряная, Нижняя Осянка и других стали открываться производственные участки с мехмастерскими, конными дворами, конторами, сплавными участками. Рабочими в основном были местные жители, но скоро рабочих рук стало не хватать. Тогда к весеннему сплаву и зимней вывозке леса начали привлекать сезонных и завербованных рабочих, но и этого было мало. И вот в глухой тайге один за другим стали появляться поселки спецпереселенцев Рябиново,

Вынырок, Поныш, Ватолинский, Октябрьский и другие. Невероятно тяжелым был труд кыновских лесозаготовителей, но еще тяжелее была судьба спецпереселенцев. Их участь можно было сравнить с участью рабов. В настоящее время историю спецпереселенческих поселений и их жителей активно изучает учитель Кыновской школы краевед С.А.Гринкевич и его ученики.

Расширение лесозаготовительного комплекса сопровождалось ростом населения. Увеличились объемы товарооборота в кыновском сельпо, больше стало учащихся в местной школе, была заново отремонтирована больница, один за другим открылись два детских дома.

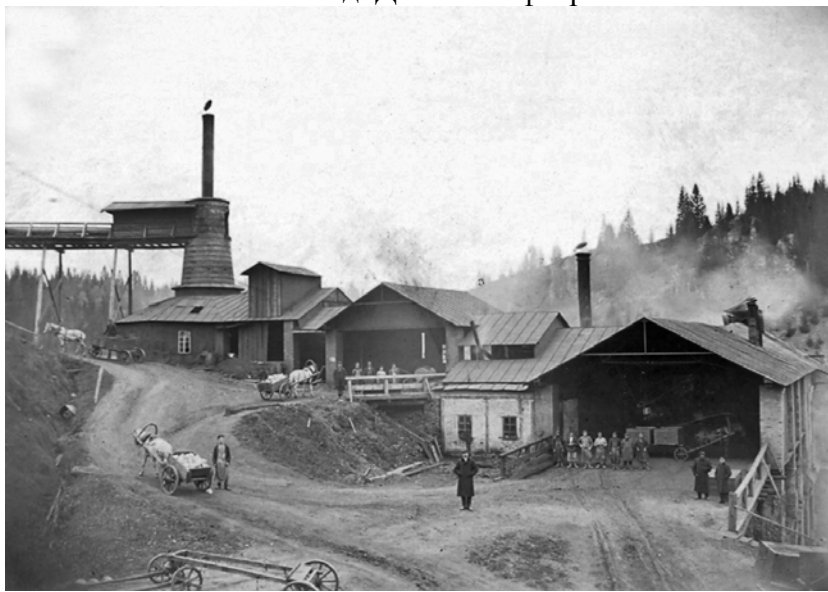
В годы Великой Отечественной войны на фронт ушли сотни мужчин из Кына и близ лежащих деревень. Многие домой не вернулись. Среди них был уроженец деревни Грязнуха Алексей Новиков. В послевоенные годы он стал легендой среди жителей прибужья Белоруссии и Польши...

...Бывший учитель Алексей Александрович Новиков проходил срочную службу в одном из погранотрядов на западной границе СССР, когда началась война. В то время, как пограничники отражали натиск фашистов на заранее подготовленных рубежах, сержант А.Новиков и рядовой Н.Ставницкий получили приказ пресечь переправу врагов через реку Буг далеко в стороне от заставы. Целый день длился неравный бой. За это время пали все защитники заставы, погиб Николай Ставницкий. Израненный, истекающий кровью, без надежды на помощь товарищей сержант Новиков продолжал разить врага из своего пулемета. По подсчетам ветерана погранвойск биографа А.Новикова С.Т.Бобренко сержант уничтожил до роты солдат противника. Только пуля вражеского снайпера сразила отважного кыновлянина. Учащиеся школы № 65, что на станции Кын, установили возле школы бюст в память о земляке - герое.

В 1950 – 1960-е годы кыновляне в основном занимались сельским хозяйством. Колхоз «Мир» производил мясо – молочную продукцию и зерно на корм скоту. К этому времени лесосырьевая база вокруг села значительно истощилась, поэтому стали закрываться производственные участки, ранее открытые Кыновским ЛПХ. Жители окрестных деревень стали переезжать в село Завод Кын или на станцию Кын. Из ветхого здания Кыновского детского дома дети были переведены в Лысьвенский детдом. В 1970-е годы прекратился сплав древесины по реке Чусовой. Центром экономической и административно-культурной жизни кыновского куста становится поселок Кын, расположенный на одноименной железнодорожной станции.

Медленное угасание экономической жизни села Завод Кын завершилось в 1990-е годы. Прекратил свое существование колхоз «Мир», закрылось сельпо, но работает небольшая лесопилка, осталась школа, фельдшерско-акушерский пункт, клуб. Будущее своего села кыновляне связывают с развитием туристического бизнеса. Для это есть все: уникальная уральская природа, красавица-река Чусовая, охотничьи угодья и, самое главное, вера в то, что село Завод Кын будет жить.

19 век. Кыновской завод. Доменная фабрика

19 век. Кыновской завод. Старательская артель промывает золотоносную породу

19 век. Кыновской завод. Погрузка и перевозка золотоносной породы в вагонетках

Старообрядцы

Через 26 лет после того, как задымили трубы кыновской домны, племянница барона Николая Строганова Варвара Александровна (в замужестве княгиня Шаховская) основала Лысьвенский железоделательный завод. Случилось это в августе 1785 года. Новый завод строили по той же схеме, что и Кыновской. Возвели плотину на реке Лысьве, построили на правом берегу домну, за ней - листовые фабрики. Только с выбором места получилась заминка. По первоначальному замыслу завод предполагалось поставить рядом с деревнями Большая Лысьва и Зарихино. Но слишком широка была в этом месте долина Лысьвы, слишком длинной должна была быть плотина. Поразмыслив, муж Варвары Александровны князь Борис Шаховской решил поставить завод на пять верст выше по течению реки. Так и сделали.

В отличие от Кыновской окрестности Лысьвенского завода были уже неплохо обжиты людьми. Первыми на реке Березовке, левом притоке Лысьвы, поселились старообрядцы,

бежавшие от реформ патриарха Никона. С годами эта речка приютила на своих берегах 15 больших и маленьких поселений. По преданию некие старцы, чьи имена уже забыты, поселились на притоке Березовки речке Талке. На противоположном берегу срубил себе келью одинокий старец Захар (Оборин) и стал в ней жить. Когда он умер, вокруг его кельи уже была небольшая деревенька. По имени почившего старца деревеньку называли Захарово. Могила старца Захара стала местом поклонения его единоверцев. Уже больше двухсот лет они собираются сюда в день поминовения всех родственников. С годами вокруг Захарово появились другие старообрядческие деревни. Так стал складываться мощный старообрядческий корень часовенного толка.

Основным занятием жителей окрестных деревень было хлебопашество и скотоводство. Жили старообрядцы обособленно, но как ни старались не общаться с внешним миром, ничего из этого не получалось. По словам лысьвенского краеведа И.Спехова (старшего), о тайных поселениях старообрядцев знали строгановские приказчики из Чусовских городков. Когда на каких – либо работах не хватало рабочих рук, они вспоминали о тайных поселениях и заставляли их жителей трудиться на соляных промыслах, перевозке грузов, ремонте дорог, заготовке древесины. Отказаться от «уроков» старообрядцы не могли – земля – то принадлежала Строгановым.

История лысьвенского старообрядчества еще недостаточно полно изучена и не осмысленна, как она того заслуживает. Непреложным фактом является то, что это были люди, пронесшие через года гонений чистоту русского языка и русских национальных традиций. Выжить в самых суровых условиях им помогала вера и труд. Не удалось обнаружить письменных подтверждений того, как жили лысьвенские старообрядцы в ХУШ и ХІХ веках. Сошлемся на воспоминания В.Д.Волкова, относящиеся к началу 1920-х годов: «Наши деды и родители исповедовали старообрядческую веру и все церковные обряды совершали в часовне, располагавшейся в деревне Лязгино». О своем родовом гнезде в деревне Волково он писал: «Обстановка в доме была простая: три стола, венские стулья, табуретки, в столовой вдоль стены скамейки. В передних углах иконы, две железные кровати, полати, большая глинобитная печь и подтопок, в котором был вмонтирован большой чугунный котел для подогрева воды, приготовления пойки и корма скоту, кипячения белья при стирке. В чистой комнате был шкаф для посуды...

Дворы для скота были большие, амбар с овощной ямой, крытая ограда, конюшни для лошадей, стойки для коров, овчарня, посредине выгульный двор. Все это было под одной крышей. Над дворами большой сеновал, куда можно было заезжать с возом сена на лошади. Для подачи сена скоту над кормушками были проемы, закрываемые щитом. Все это позволяло в суровую зиму выходить для ухода за скотом, одевшись в слегка утепленную одежду (фуфайку)...В общем, все было продумано и учтено до мелочи.

Летом в теплую погоду спали на сеновале.

Под полом дома было большое подполье, где хранилась картошка для зимы, овощи, стоял бочонок с квасом, бочонок с солеными грибами, варенья и другие соленья.

Овощная яма в амбаре весной набивалась снегом, где почти до конца лета хранилось мясо и другие скоропортящиеся продукты...

За дворами, на запад, были наши поля. Недалеко от дворов...было гумно, где стояла молотилка с конным приводом, веялка, овин для сушки снопов в сырую погоду. Рядом был стог обмолоченной соломы, которая использовалась как подстилка для скота и не жалелась. Навоза нужно было много. Огород не примыкал к дому, а был через улицу. В огороде размещалась чистая, «по белому», баня и вторая овощная яма, которая после заполнения ее картошкой закрывалась до весны, в ней хранился картофель на семена и для еды летом. Воду для скота брали из речки...Метрах в 10-15 от дома был навес, закрытый с южной и западной стороны, где хранились дрова и сельхозинвентарь, вымытый и смазанный на весь срок хранения...»

Центром притяжения для таких маленьких деревенок в 2-3 двора как Волково была деревня Выломово. В масленичные праздники старшие парни устраивали на берегу пруда

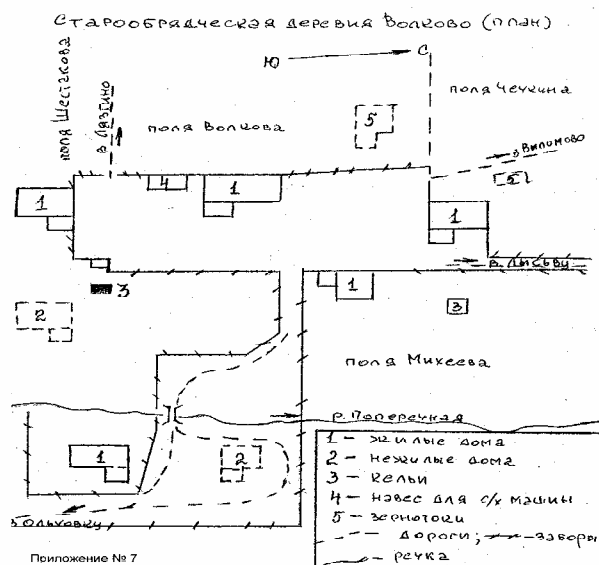
ледяную катушку. Здесь собиралась для веселья молодежь, каталась на санках, происходили знакомства парней и девушек. Иногда такие знакомства заканчивались свадьбами. Крестьяне, у которых были хорошие лошади и кошевки, устраивали катание на лошадях. Зимой, когда было много свободного времени, женщины собирались на посиделки у кого –нибудь из соседок. С собой приносили прялки, вязанье или шитье и между делом пели песни, делились новостями, обменивались мнениями о событиях, происходивших в соседних деревнях. Зимой же состоялись свадьбы, которые проходили с большим размахом: с песнями и плясками, обязательным соблюдением свадебных ритуалов, обильным угощением. Кроме близких родственников в свадьбе принимали участие все деревенские жители.

Летом около дома выломовского лесника по воскресеньям и праздничным дням проходили гуляния под названием «полянка». Как объясняли старожилы, слово произошло от поляны – ровного места, поросшего травой. Обычно под вечер сюда собирались парни и девушки из окрестных деревень, приходили гармонисты и балалаечники. Под звуки немудреного оркестра молодежь плясала русские пляски, танцевала «польку», «подиспань», «краковяк». Проводились также подвижные игры: популярной была игра «третий лишний». «На полянке» демонстрировались обновки. Случалось, что в сухой жаркий вечер какой –нибудь парень приходил в туфлях с резиновыми калошами, а девушка в новой зимней шали. Здесь встречались влюбленные пары. Со стороны за молодежью наблюдали взрослые: с кем дружат их дети, как общаются, кому показывают симпатию.

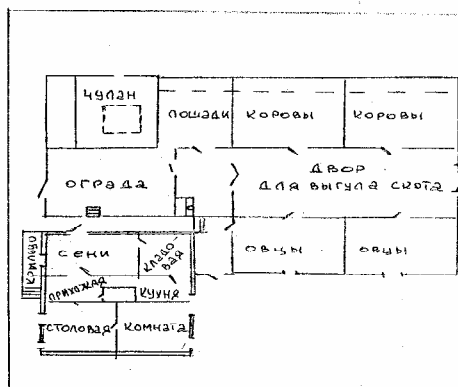
Центром старообрядчества в районе Лысьвенского завода была деревня Большая Лысьва. Местные старообрядцы создали общину, которая была зарегистрирована 5 ноября 1908 года в объединенном фонде Кыновской и Лысьвенской церковью Пермской духовной консистории. Регистрация общины сопровождалась строительством старообрядческой часовни стараниями братьев Котельниковых Игнатия Федоровича, Егора Федоровича и Андрея Федоровича. Кирпич на часовню пожертвовал хозяин кирпичного завода житель д.Заимка А.А.Порозков. Купол часовни был изготовлен и установлен И.К.Южаковым.

Так, как выломовские и большелысьвенские крестьяне, жили все лысьвенские старообрядцы. Привычный ход вещей стал ломаться в период реконструкции металлургического завода в конце XIX – начале XX века. Еще быстрее жизнь стала меняться в советское время после сворачивания новой экономической политики и с началом коллективизации сельского хозяйства. Крестьяне начали утрачивать интерес к развитию индивидуальных хозяйств. Все больше молодых парней стало перебираться в город и устраиваться работать на завод. Здесь нужны были трудолюбивые, выносливые и дисциплинированные рабочие. Из деревень перевозили в город своих жен и невест и начинали жить отдельно от родителей. Стали слабнуть связи с исторической родиной. Однако по выходным дням и праздникам горожане приходили в деревню и помогали родным и близким заготавливать сено, убирать овощи, заготавливать дрова. Взамен они получали мясо, молоко, овощи, что было совсем не лишним в условиях тотального голода, охватившего Урал в 1920 -1930-е годы.

Постепенно стало утрачиваться духовное единство старообрядцев. В условиях города и заводской среды уже нельзя было жить обособленно, демонстративно придерживаться принадлежности к старообрядческой вере, систематически исполнять обряды. Новая идеология, пропитанная идеями мировой революции, победой коммунизма, всеобщего равенства и братства, проникала в сознание молодежи, становившейся полноправным участником всех социально – экономических преобразований XX века.

План дома и надворных построек крестьянина Волкова Д.И.

Приложение № 8

Лысьвенцы

Имеются основания полагать, что к строительству нового Лысьвенского завода княгиня Шаховская и ее муж князь Борис готовились заранее. Еще не окончились тяжбы и споры среди Строгановского семейства относительно принадлежности Лысьвенской дачи, а Шаховские уже начали подселять к будущему заводу своих крестьян из Кунгурских и Оханских вотчин. Выходцы из Кишерти дали начало родам Абатуровых, Волковых, Колобовых, Латышевых, Лязгиных, Мехряковых, Падериных, оханцы положили начало Выломовым, Калининым, Лобановым, Малковым, Черепановым. Опять же по преданию, первым на новое место был переселен кишертский крестьянин Михаил Петрович Котельников. Скорее всего, переехал он на берега Лысьвы-реки не по своей воле, потому что оставил на родине крепкую крестьянскую усадьбу и 700 десятин земли. Да и место ему отвели сырое, не пригодное к хлебопашеству. По всей вероятности, Котельников был старообрядцем, потому что три его сына Ермолай, Вавила и Федор, основав примерно в полуверсте от отцовской деревни Зарихино новую деревню Большая Лысьва, построили в ней старообрядческую часовню. Севернее Большой Лысьвы Ефрем Моисеевич Котельников основал новую деревню, названную Поповкой. Как бы то ни было, но котельниковский род разросся. Каждый из трех сыновей Михаила Котельникова имел по четыре сына, которые заводили свои семьи и, отделившись от отцов, основывали хутора, выселки и деревни. К ним подселялись другие переселенцы и в результате северо – западная часть Лысьвенского района оказалась достаточно плотно заселенной.

Однако местного населения для строительства завода было недостаточно. В 1785 году на строительные и вспомогательные работы было привлечено от 1500 до 2000 человек, в следующем 1786 году уже 3934 человека. Одновременно в Лысьву прибыли более 30 мастеровых, которым предстояло работать в новом заводе.

Для смотрителей работ, временно прикомандированных к строительству, были построены деревянные бараки. Работники, чтобы иметь хоть какую - то крышу над головой на скорую руку делали землянки и полуземлянки. Для этого копали яму, опускали в нее сруб, потолок набирали или нетолстых бревнышек или из теса, грубо обтесанных топором бревен, а потом, стены и потолок обваливали землей. Вдоль стен приколачивались лавки. Посредине из дикого камня выкладывался очаг. Для выхода дыма в верхнем бревне прорубалось волоковое оконце. Кое – кто прорубал небольшое окно для света. Вместо стекла натягивали высушенный бычий пузырь. Для освещения использовали березовую лучину и свет очага.

Одновременно с домной и заводскими фабриками возводили жилье для семей мастеровых. Сначала строили дома, а уж позднее хозяева пристраивали сени, ограды, скотные дворы и т.д. О том, как выглядели жилища первых поселенцев, можно только догадываться. Специальных исследований о застройках заводских поселков и заводских деревень пока нет. Однако уже в 1788 году в заводском поселке Лысьвенский завод было 284 строения, в число которых входили дома мастеровых, заводских управителей, здания заводской администрации, склады и т.п. При этом общего плана застройки не было. Так продолжалось до 1840-х годов, пока управляющий заводом А.Тома не разработал четкий план застройки и не заставил лысьвенцев вести строительство в строгом соответствии с ним. На плане 1857 года отчетливо видно, что поселок разделен на кварталы, между которыми проложены широкие прямые улицы.

Первые каменные сооружения в Лысьве появились на территории завода. Сегодня то что осталось, рассматривается как комплекс чугуноплавильного и железоделательного завода ХУШ – ХХ веков и сохраняется как памятник на основании решения Малого Совета народных депутатов Лысьвы № 225 от 13 мая 1993 года. Статус архитектурных памятников присвоен церкви Иоанна Богослова, домам купцов Шилова (ул. Кирова, 11) и Ярославцева (ул. Кирова, 4), зданию волостной управы (ул. Смышляева, 16). В селе Кын статус памятников имеют Свято-Троицкая церковь (1864 г.) и уникальная пристань на реке Чусовой – начало XIX века.

Из 2940 жителей Лысьвенского завода в 1857 году 2802 человека исповедовали православие, 120 человек – были старообрядцами. Свои духовные потребности лысьвенцы отмечали в двух церквях. Одна была приходской деревянной двухпрестольной и называлась именем Святой Троицы и Святого Николая Чудотворца. Её возвели в 1799 году. Когда деревянное сооружение обветшало, в конце XIX века была построена новая каменная церковь. В 1850 году при поселковом кладбище была построена каменная часовня. В начале 1950-х годов она была перестроена и стала церковью, названная во имя Святого Иоанна Богослова. Часовни и моленные дома были у старообрядцев.

Святыней лысьвенского завода была икона Святого Николая Чудотворца. Это так называемая «явленная» икона. Само по себе событие очень редкое, а значит все, что с ним связано, особо почитаемое. По преданию, икону нашли в огороде при обработке земли в деревне Большая Лысьва. И сегодня можно помолиться перед иконой Святого Николая в церкви Иоанна Богослова.

У каждого из четырех районов, на которые был разделен поселок, был свой церковный праздник. 15 августа отмечалось Успенье Божьей Матери, 8 сентября – Рождение Божьей Матери, 26 сентября – Иванов день, 1 октября – Покров Божьей Матери. В Бога лысьвенцы верили, но особого религиозного рвения не проявляли или, как говорил современник, исполняли обряды «без душевных убеждений».

Среди общественных зданий первой половины XIX –го века наиболее известными были два заводских госпиталя – каменный и деревянный постройки 1809 года, каменная двухэтажная заводская контора, приходское училище и большой деревянный магазин.

Исторический центр Лысьвы сложился вокруг нынешней площади Революции. Некогда здесь был рынок, образцовый для своего времени. Открытки с его видами продавались по всей России. Во второй половине XIX века вокруг рыночной площади были выстроены дома администрации завода и местных купцов, торговые лавки и магазины, с западной стороны, т.е. со стороны завода конторы, золотоплавильная фабрика и т.п. Однако только к началу XX века центр получил свой окончательный вид. В 1912 году был построен дом владельцев завода (ул. Мира, 2), церковно – приходская школа в 1908 году (ул. Мира, 6) и, наконец, взамен деревянной Свято-Троицкой церкви в 1899 году состоялось торжественное освящение новой каменной церкви, сохранившей прежнее имя Святой Троицы.

Церковь Святой Троицы была возведена по византийским образцам времен домонгольской Руси. Это было огромное многоглавое сооружение с высокой

сорокаметровой колокольной и шлемовидными куполами, которые должны были символизировать единство огромной страны. Началом строительства этого монументального сооружения можно считать 1887 год, когда прихожане избрали строительный комитет во главе со священником М.М.Добротворским. Более 164000 рублей на строительство храма собирали за счет вычетов от 1,5% до 3% из ежемесячной зарплаты рабочих и служащих. Кроме того почти 13 лет копились добровольные денежные пожертвования от прихожан и dobroхотов. К сожалению, новая церковь простояла на своем месте недолго. В начале 1930 года в соответствии с расхожей в те годы формулировкой «по многочисленным просьбам трудящихся» президиум Лысьвенского горсовета принял решение церковь закрыть. В марте ликвидационная комиссия во главе с заведующим горфо М.В.Пьянковым приступила к описи церковной утвари, передаче икон и риз, имеющих художественную ценность, в Ленинград, сдаче колоколов в металлолом, разборке здания и передаче кирпича на строительство школы № 3, городской бани и дворца культуры металлургов. 12 марта толпа верующих в составе нескольких сотен человек попыталась протестовать против разрушения церкви, но «народная» власть не услышала голос своего народа, и храм был уничтожен.

В 1914 году рядом с домом хозяев завода (его называют в Лысьве шуваловским) было выстроено административное здание (ул.Мира, 4). Композиционное единство историческому центру Лысьвы придал памятник последнему единоличному хозяину Лысьвенского завода графу П.П.Шувалову, возведенный в 1908 году. Между памятником и домом новых хозяев завода был разбит небольшой парк.

Лысьвенские строители отдали дань многим строительным стилям. Все зависело от моды и желаний заказчика. Очень красиво здание проектного отдела «АК ЛМЗ» (бывшее здание заводоуправления - перекресток улиц Мира и Революции), выполненное в стиле барокко. Обращают на себя внимание расчлененные на три части окна в виде триптиха с высокой центральной частью и более низкими боковыми фрагментами. Окна украшены типичным для барокко завершением – веером – щипцами. Боковые крылья здания венчают плоские щипцы с валютами. Имелись и гербы, но они не видны из – за поздних ремонтных работ.

Каменные здания, в основном общественные, с разницей примерно в 2 года стали возводиться в начале XX века. Так, в 1906 году было построено ремесленное училище, задуманное как промышленно – художественное (ул.Мира, 31), в 1908 году - церковно – приходская школа, а на средства земства в 1914 году была построена прогимназия. Долгое время она называлась земской школой (ул. Никулина, 76)

Десятилетиями складывалось коренное население Лысьвы. Уже в 1788 году в ней постоянно проживало 1158 чел., в 1809 году – 1897 чел., в 1834 году – 2420 чел., в 1857 году – 2940 чел.

Не сохранилось описание внешнего вида первопоселенцев. Попробуем хотя бы приблизительно составить портрет лысьвенцев на основании материалов пермского краеведа И.В.Вологодина, собранных в середине 1850-х годов в оханском крае. В статье «Жизнь крепостных людей графов Строгановых в Оханском уезде Пермской губернии» он писал: «Жители имеют рост от 2-х аршин 3-х вершков до 2-х аршин 5-ти-7ми и до 8-ми вершков; телосложение довольно крепкое; черты лица более круглые; волосы преимущественно русые; глаза – серые и карие; цвет кожи – белый; образование черепа – круглое; довольно сильны; живут от 50-ти до 60-ти и 70-ти лет».

Как и в любом уральском заводе, основное содержание жизни мужской части населения составляла работа в заводских фабриках или на вспомогательных работах. Они плавил чугун, изготавливали железо, добывали руду, выжигали уголь, заготавливали дрова и доменный камень. В книге «Лысьва» Г.П.Рычкова приводит данные о средней заработной плате лысьвенского мастерового и вычетах из неё за 1859 год. 1) вычеты за пользование приусадебной землей, покосы, пастбища для скота, пользование лесом для заготовки дров и материалов для строительства – 13 руб.28 3/8 коп.; 2) вычеты за приобретение в

заводском «запасном магазине» провианта - 13 руб. 76 коп., 3) государственные подати, выплачиваемые хозяевами завода за мастерового – 4 руб. 41 $\frac{1}{4}$ коп.; 4) вычеты за содержание церквей, больницы, училища, выдача пенсий и пособий – 6 руб. 86 $\frac{7}{8}$ коп., 5) выдается рабочему на руки – 19 руб. 63 $\frac{5}{8}$ коп. Самым высоким было жалование у квалифицированных рабочих. Так, мастер доменной печи получал 13 руб. 60 коп. в год (на каждую тысячу пудов выплавленного чугуна он получал дополнительно 19 коп.), мастер по кузнице и слесарной мастерской – 28 руб. 57 коп., мастер по токарной мастерской – 24 руб. Самую низкую плату получали ученики и подростки – не больше 2 $\frac{6}{7}$ коп. в день.

На женской половине лежали все домашнее хозяйство: воспитание детей, уход за скотом и птицей, пошив одежды и т.д. Среди вспомогательных заводских работ была одна, потрудившись на которой, женщины могли использовать заработанные деньги по своему усмотрению – это изготовление кирпичей. За каждую тысячу штук платили по 30 коп. серебром. Дети – мальчики и девочки – с ранних лет приучались к работе соответствующей их полу: мальчики рано начинали выполнять заводские работы в качестве рудобоев, коногонов, уборщиков шлака, подносчиков формовочного песка, рассыльных; девочки занимались воспитанием младших сестер и братьев, готовкой еды, ткачеством и т.п. Участь старших девочек была особенно незавидной, потому что в семьях было от 5 до 10 младших братишек и сестреночек. За каждым нужен был уход и догляд. Как правило, девочек рано выдавали замуж. Весь уход за коровами, лошадьми, овцами, свиньями, птицей лежал на плечах женской половины. И все же была хозяйственная работа, которая особенно не делилась на мужскую и женскую – это работа на огородах и заготовка сена. Здесь одинаково работали мужчины, женщины, старики и дети.

Голодающих в Лысьвенском поселке не было. Хотя, конечно, встречались и нищие, которые ходили по домам и просили подаяние, но их было немного. Еда, как и одежда, была праздничной и будничной. В будни лысьвенцы ели ржаной хлеб, щи скоромные или щи постные, сваренные из одной крупы, кашу, капусту, соленые грузди, сухие грибы, огурцы, репу, морковь. В значительных количествах в пищу шла капуста, особенно в квашеном виде. В праздники любили рыбные пироги, жаркое из телятины, баранины, дичи, картофель и другие овощи. Из лакомых блюд особенно любили оладьи, блины, шаньги, куличи, селянки, кисели, сдобу, слоеные пироги. С помощью записей краеведа И.И.Спехова удалось восстановить рецепт лакомства, популярного на протяжении многих десятилетий: «Из муки и солода приготавливали сусло и квас. Квас употребляли как напиток, из кваса готовили тюрю; сусло хлебали в натуральном виде или вместе с паренками. Морковь, репа, брюква мелко нарезанные, заправлялись в корчаге (глиняный сосуд), перевернутой вверх дном. Полученные таким образом паренки предварительно высушенные до излома, заготавливались впрок. Сушеные паренки, сложенные в сусло, там размягчались, составляли сладкое блюдо».

Лысьвенские хозяйки подавали на стол кушанья, сообразные с датами церковного календаря. Соли при готовке клали немного, нужное количество добавляли в пищу, когда садились за стол. Обычными на столе были яблоки и арбузы, которые привозили с юга на баржах, возвратившихся после весеннего сплава. Любовь к соленым груздям сыграла с лысьвенцами злую шутку. Грузди, как известно, растут в определенных местах «мостами». Чтобы не утруждать себя сбором грибов, лысьвенцы собирали их граблями. В результате грибницы были разрушены и грузди почти исчезли из лысьвенских лесов.

Среди лысьвенцев бытовало мнение, что табакокурение и пьянство – порок, дьявольское занятие. При этом немногие отказывались в праздничные дни кроме кваса отведать браги, пива, полпива или травника. Любители крепких напитков и табака появились в самом конце XIX века.

Большая часть одежды, которую носили лысьвенцы, была изготовлена руками домашних рукодельниц. По свидетельству современников, одежда лысьвенцев всегда выглядела чисто и опрятно. Это, конечно, не относилось к тем, кто был связан с

доменным производством, обработкой железа или углежжением. Обычно мастеровые одевались в холщевое нижнее белье и рубахи, зипуны и азямы. Подпоясывались шерстяной оправой или кожаным ремнем с пряжкой. Зимой носили овчинные полушубки или шубы. На ноги надевали суконные чулки и холщевые портянки, сверху – лапти, бахилы или коты, у кого была возможность, надевали сапоги.

У мастеровых «горячих» фабрик одежда соответствовала характеру работы. Помимо рубах и брюк из льняной ткани грудь, живот и колени прикрывали «защитками» - фартуками из кожи. На голову надевали «катанки» - широкополые войлочные шляпы, которые надежно предохраняли лицо и голову от раскаленного воздуха, металлических брызг и окалины. Руки прятали в суконные рукавицы – «вачеги». На ноги надевали лапти, сплетенные из конопляных жгутов. Для надежности на «вачеги» нашивали кожу со стороны ладони, а к лаптям приделывали деревянные колодки. В листовых и листовых фабриках вместо лаптя на левую ногу надевали валенок, обернутый тонкой жостью, поскольку этой ногой при работе приходилось наступать на горячие металлические листы.

Женская одежда была яркой. В будни женщины носили белые холщевые рубахи, юбки, душегрейки или дубасы, сшитые из синего холста. При этом замужние женщины накрывали головы бумажными платками. На ногах поверх шерстяных носков носили коты (котики) или лапти – реже кожаные башмаки. Будничная одежда девушек почти не отличалась от одежды замужних женщин. На улице, а тем более в церкви, ни девушки, ни женщины не могли показаться «простоволосыми», т.е. без платка на голове. Девушкам разрешалось ходить без платка только дома. Волосы при этом они заплетали в одну косу, в которую вплетали ленту. Алая лента, вплетенная в косу (ее называли «красотой» – ударение на –а), была символом девичьей чести.

Особой была праздничная одежда. Ее бережно хранили в сундуках. Особенно тщательно хранился женский праздничный наряд. Его часто передавали из поколения в поколение от бабушки к внучке, а случалось и правнучке, потому что он был не только красивым, но и достаточно дорогим. В праздники повседневная однотонная белая рубаха заменялась белой же, но с коленкоровыми или ситцевыми рукавами. Поверх рубахи надевалась ситцевая юбка и кофта или сарафан. Замужние женщины надевали на голову повязки шириной в два вершка, вышитые серебром или золотом. Иногда концы повязки связывали или сшивали. Такой головной убор называли «шамшур». Сверху «шамшур» покрывали тонким шелковым платком, поверх которого летом надевали коленкоровый или хоноватый платок (старинная шелковая ткань, вышитая серебром или золотом). Иногда поверх шамшуры надевали фату. Зимой женщины носили шубы, покрытые сукном или панкой. У женщин из состоятельных семей шубы покрывали плисом. Зимой женщины покрывали головы ковровыми шальями. Девушки вместо шамшуры носили яркие шелковые косынки.

Праздничный наряд был и у мужчин. Они надевали ситцевые рубахи и суконные или пеньковые брюки. Кое – кто надевал жилеты. На поясе носили бумажные или гарусные опояски. Сверху надевали суконные или пеньковые кафтаны, чуйки и тулупцы. В зависимости от достатка тулупцы покрывали сукном, понтиной или плисом. Голову накрывали черной поярковой шляпой, на ноги надевали сапоги.

Несколько иной была одежда представителей заводской администрации, у конторщиков, делопроизводителей и кое – кого из числа надсмотрщиков за работами. Они носили суконные брюки, манишки, жилеты, сюртуки. В межсезонье надевали пальто или шинель, на ноги – сапоги с калошами. Зимой летняя верхняя одежда заменялась тулупами, из овечьих, волчьих, енотовых и других шкур, крытых фабричным сукном разных расцветок. Бороду многие из «конторских» брили. Одежды их жен напоминали одежду городских мещанок: платья, косынки на голове, салоны или шубы.

К счастью, сохранились письменные свидетельства о характере лысвенцев. Их житейский кругозор был достаточно широк, что напрямую было связано с фабричным

производством, сообщением с большим количеством разных людей, сменой видов деятельности, врожденной любознательностью. Учитель Шалаев еще в 1857 году писал о лысьвенцах: «Суждения их не ограничиваются предметами и обстоятельствами, тесно связанными с их оседлой жизнью, а касаются и посторонних предметов, давая при этом заметить немало наблюдательности, тонкости и оборотливости ума». Молодежь уважительно относилась к старшим. Для всех была свойственна расчетливость и бережливость, хотя не считалось особым проступком обмануть, украсть.

Первые сведения о массовом обучении лысьвеских детей грамоте относятся к 1845 году. Для мальчиков был открыт класс в помещении гончарной мастерской. Через пять лет, в 1850 году, в отдельный класс стали принимать девочек. Так появилась первая лысьвенская школа. К сожалению, имена первых учителей и учеников история не сохранила. Надо полагать, что тяга к знаниям, понимание их необходимости имели широкое распространение среди населения. Благодаря хлопотам священнослужителей церкви Святой Троицы и святого Николая Чудотворца, а также заводской администрации в 1853 году в Лысьве открылось церковно – приходское училище на 70 детей (по некоторым данным на 60).

Большую роль в жизни жителей Лысьвенского завода играл рынок (базар). Он состоялся в каждое воскресенье или в праздничный день. Торговать приезжали крестьяне из окрестных деревень. Свои товары выставляли и местные торговцы. Они содержали 12 лавок, 4 из которых продавали «красный» товар: бусы, платки, бисер, украшения, ленты и т.п. Постоянно продавали мясо, дичь, рыбу, крупы, толокно, муку, лен, коноплю, различные масла, ситцы, решета, горшки, деревянные бочки (кадки), одежду, обувь, ткани.

Была в организации торговли и одна особенность. Управление завода держало так называемый «запасный магазин» (лысьвенцы называли его «запас»), в котором хранилось до 60 тыс. пудов продовольствия, одежды, канцелярских принадлежностей, краски, строительных материалов, дрови, пороха, предметы быта и т.п. Все это закупалось на нижегородских ярмарках по невысоким оптовым ценам и привозилось в Лысьву на возвращающихся после сплава баржах. Расчет управленцев был прост. С одной стороны, во время неурожайных лет можно было в долг поддержать сравнительно дешевыми продуктами питания семьи мастеровых. С другой стороны, при отсутствии денег в заводской кассе с мастеровыми можно было рассчитаться товарами, что неоднократно и проделывалось. Существовала определена норма, по которой женатому рабочему выдавалось 4 пуда муки в месяц, холостому – 2 пуда. Детям, в зависимости от возраста, выдавалось от 6 до 15 пудов ржаной муки в год.

Рыночная площадь и площадь вокруг «запаса» в праздничные дни превращались в места народных гуляний.

Почти сто лет жили лысьвенцы тихо и мирно, достаточно обособленно от внешнего мира. До поры до времени такая жизнь устраивала и их и хозяев завода. Постепенно сложился крепкий слой коренных лысьвенцев, целых родов и династий: Андрюшников Егор; Аникин Степан; Анисимов Иван; Афанасьев Николай; Баландин (Александр, Мартемьян); Батраков (Александр, Семен); Батуев (Алексей, Михайло, Николай, Платон, Сергей, Федор, Яков); Белоглазов Дмитрий; Беляев (Дмитрий, Иван, Михайло, Петр, Яков); Бессмертных Степан; Блиначев (Никифор, Николай); Боровков Алексей; Бородин (Иван, Федор); Бортников Григорий; Бырылов (Василий, Иван, Яков); Ваганов (Григорий, Иван, Матвей, Петр); Веселков (Алексей, Петр); Вотинов (Андрей, Егор, Федор); Вошев Харитон; Выломов (Антип, Егор, Илья); Голубцов (Иван, Федор); Горбунов Василий; Грибанов Семен; Денисов Степан; Домнин (Михаил, Петр); Дружинин Дмитрий; Дружков (Михайло, Яким, Яков); Ермаков (Андрей, Александр, Гаврила, Иван, Михайло, Николай, Сергей, Яков); Жихарев (Данила); Заворохин Фома; Заморин (Поликарп, Трофим); Затхеев (Александр, Иван); Згогурин Филат; Зотинов (Илья, Яков); Зырянов Василий; Зюзин (Андрей, Матвей, Михайло); Кучин (Михайло, Иван); Ижиков Григорий; Каменских

)Леонтий, Петр); Каменщиков Максим; Камчатов (Николай, Яков, Яким); Катаев (Иван, Фаддей, Филипп, Яков); Качкинцы (Василий, Иван); Кашин (Козьма, Павел, Тимофей); Колобов (Карп, Федор); Колыванов (Василий, Степан); Кондаков (Иван, Михайло, Спиридон, Федор); Костарев Алексей; Кремлев (Егор, Иван, Матвей); Клементьев (Дементий, Дмитрий); Кислых (Дмитрий, Степан, Тимофей, Яков); Кожевников (Моисей, Трофим); Коробов Гаврила; Коровин (Василий, Михайло, Петр); Косачев (Варлаам, Илья, Иван); Котельников (Андрей, Ефим); Котков (Михаил, Степан); Кропачев (Григорий, Павел, Семен, Федор); Кузнецов (Дмитрий, Павел, Семен, Яков); Кустов Евстафий; Красильников Семен» Кусакин Николай; Ладейщиков Михайло; Леготкин (Игнатий, Козьма); Лихачев (Александр, Дмитрий, Иван, Михаил, Николай); Лунин Иван; Лязгин (Василий, Григорий, Иван, Степа, Федор); Мазунин Григорий; Малков Степан; Мальцов (Василий, Дмитрий, Егор, Ефим, Иван, Козьма, Петр, Тимофей, Федор); Марков Матвей; Мехряков (Борис, Василий, Константин, Степан); Миронов Иван; Моженников (Семен, Филипп); Мозготин (Антон, Иван); Мороков Трофим; Мохнаткин Прокофий; Мульков Ефим; Мыльников (Андрей, Василий, Егор); Нагибин (Андрей, Василий); Напалков Ефим; Наугольных (Иван, Илья, Константин); Недорезов (Григорий, Ефим, Козьма, Степан, Федор); Оборин (Максим, Петр, Трофим, Федор, Яков); Овсянников (Григорий, Степан); Орехов (Василий, Егор, Иван, Федор); Орлов (Григорий, Иван, Михайло, Никита); Ошев Прокопий; Ощепков (Андрей, Евграф); Палкин (Андрей, Антип, Ефим, Евстафий, Григорий, Иван, Илья, Кирилл, Матвей, Мирон, Михайло, Никифор, Николай, Нифонт, Платон, Трофим, Федр, Филат); Пепеляев (Матвей, Федор); Пермиков (Алексей, Дмитрий, Иван, Илья, Евграф, Константин, Степан, Терентий); Пирожков Иван; Пищальников (Семен, Петр); Полоротов Иван; Поляков (Василий, Дпнила, Никита, Тимофей); Пономарев (Алексей, Петр, Степан, Федор); Попов (Александр, Егор, Иван, Петр, Степан, Фрол); Порошков (Александр, Сергей); Пупов (Ермолай, Ефим); Пчелин Яков; Пьянков (Григорий, Дмитрий, Козьма, Матвей, Семен, Степан, Яков); Ракинцев (Сидор, Степан); Реутов (Василий, Дмитрий, Иван, Павел, Федор); Рожков (Андрей, Василий, Иван, Илья, Семен, Фаддей); Романов Герасим; Русаков Афанасий; Савин Иван; Сайдаков (Гаврил, Егор); Сивков Иван; Скорынин (Андрей, Павел); Сменьков Иван; Соснин Емельян; Спехов Андрей; Спинин Николай; Стерлягов (Гаврил, Иван); Субботин Яков; Суханцев Платон; Сушин (Никифор, Филипп); Сыропятов (Григорий, Иван, Павел, Яков); Сысоев Семен; Тиунов Севастьян; Трапезников (Гаврила, Никифор); Третьяков (Иван, Федот); Тюрин (Степан, Филипп); Чернобров (Василий, Яков); Чащин Иван; Чебыкин Иван; Чернов (Максим, Михайло, Федор); Черных (Осип, Петр); Чувызгалов (Герасим, Данила, Егор, Илья); Чудинов Павел; Шабаршин (Иван, Михайло); Швадрин (Иван, Петр); Шардин (Борис, Владимир, Гаврила, Григорий, Дмитрий, Платон, Яков); Шатов (Андрей, Василий, Гаврила, Григорий); Шашерин (Василий, Дмитрий); Шеин (Андрей, Михайло, Семен); Шемягин Абрам; Шестаков (Григорий, Егор, Матвей, Степан, Филипп); Шилов (Александр, Андрей, Евграф, Григорий, Нмколай, Прокопий, Федор, Филипп); Ширинкин (Андрей, Григорий, Дмитрий, Иван, Павел, Трофим, Петр); Шлыков Петр; Шубин Иван; Щербаков (Степан, Яков); Якунцов Андрей; Ярославцев Василий.

Руками этих людей и их потомков строилась Лысьва.

Но вот где –то далеко отгремела Крымская война. Жизнь стала стремительно дорожать. С 1855 года выплата жалования почти прекратилась и основным источником пропитания стали огороды. Кое у кого стали появляться пашни, засеваемые рожью, пшеницей, овсом, ячменем. Лысьвенцы стали активней заниматься разведением домашнего скота. Как следствие появились проблемы с покосами. Увеличилась заготовка грибов и ягод. Охотой жили немногие, хотя окрестные леса изобиловали зверем и птицей. Для охоты надо было брать специальное разрешение в заводоуправлении.

Исповдоль начал зреть конфликт между мастеровыми и хозяевами о земле – кормилице и ее приобретении на бесплатных или льготных условиях, о повышении жалования.

1858 год был неурожайным. Появились трудности с продовольствием. Пуд ржаной муки стоил 74 коп. Выдача жалованья задерживалась месяцами. Заработанных денег не хватало. В начале следующего, 1859 года, среди лысьвенских мастеровых появились слухи о воле, об отмене крепостного права. Сначала заволновались крестьяне села Насадского, за ним Калинского, Верхнее и Нижнее Муллинского, Сергинского, Паинцевского и Таборовского. Кто – то кому-то сказал, что у местного священника имеется бумага, в которой якобы прописано, что можно отказаться от господских работ и выйти на оброк. Действительно, у вотчинного правления имения княгини В.П.Бутеро - Родали было намерение «заменить крестьянские повинности денежным оброком для производства работ вольным наймом». Это решение вызвало крайнее недовольство как крестьян, так и мастеровых.

Один слух породил другой: якобы крестьянин А.Кокшаров ходил в Петербург к царю с прошением об уменьшении господских работ. Крестьянам очень хотелось верить в слухи, так как осенью 1859 года им не выдали дорожные деньги, провиант и инструмент для работы в рудниках и лесосеках. Вдобавок за недовыжиг угля на каждого наложили немалый штраф в размере 1 руб.50 коп. Начавшееся волнение переросло в прямой отказ выходить на господские работы.

Социальное напряжение в Лысьве подогрело известие от архангело – пашийских мастеровых, которые посылали в Пермь ходоков к петербургскому ревизору князю Багратиону с целью добиться прибавки жалования. «Добились» пашийцы того, что на полдороге их встретила полиция и повернула назад. Однако печальный опыт соседей лысьвенцы не учли и с подобной же просьбой отправили в Пермь своих посланцев Я.Колупаева и С. Пермякова. Естественно, лысьвенские ходоки вернулись ни с чем. Тогда тайно, это было в июне 1860 - го года, они подготовили прошение на имя самого царя. Грамотку снова взялся доставить А.Кокшаров. Чем закончилась эта истории, не известно. Поговаривали, что Кокшаров растратил собранные на дорогу деньги. Однако уже в августе 1860-го года очередная просьба об увеличении жалованья попала к ревизору владелицы завода де ля Гарди. Свое обещание похлопотать за лысьвенских мастеровых ревизор не выполнил. Волнения среди мастеровых продолжались.

Губернские власти были встревожены известиями о напряженной обстановке в Лысьвенском заводе, нескончаемым потоком жалоб и ходоков. Иногда представители власти пытались применять против жалобщиков и ходоков административные меры, тогда мастеровые силой освобождали арестованных и избивали заводских приказчиков и исправников. 18 мая 1861 года в Лысьвенский завод из Перми приехали представители губернатора для переговоров с рабочими. Чиновников сопровождали казаки. Узнав об этом, 503 человека оставили работу, закрыли ворота фабрик и гурьбой отправились к зданию управления завода на «переговоры», которые продолжались пять дней. Требование мастеровых было старым – увеличить жалование и сократить поборы. Власти оценили события этих дней как «беспорядки» и арестовали 15 активистов. Зачинщиками неповиновения мастеровых были признаны М.Баландин, Ф.Сушин, И.Шатов, И.Мозготин. Все они были наказаны ударами плетью и переданы под особый надзор заводского общества. Советская историография охарактеризовала майские 1861 года события в Лысьвенском заводе как стачку и первое в России организованное политическое выступление трудящихся за свои права.

Российские реформы всегда проходили крайне болезненно и всегда за счет простого народа. Полторы сотни лет назад лысьвенцы, полукрестьяне – полуремесленники, одинаково крепко привязанные к заводу и к свои пашням-огородам, не могли знать, что уходит в прошлое феодально – крепостническая система и ей на смену идет капитализм. Они знали одно: жить с каждым годом становится труднее. Крайне тревожила возможная перспектива переселения на новое место жительства в западные губернии России, поскольку хозяева завода, не обеспечивая работой и, соответственно, не выплачивая жалование, бесконечно растягивали вопрос о наделении лысьвенских мастеровых землей.

В условиях экономического кризиса пореформенной эпохи вопрос о земле для лысьвенских мастеровых стал наипервейшим. После отмены крепостного права и превращения мастеровых во «временно обязанных» на заводские работы стали приниматься вольнонаемные работники. Это не значило, что заводскую работу можно было бросить, потому что не работающий на заводе не имел право пользоваться заводскими землями, тогда как для многих коренных лысьвенцев земля была единственным источником существования. На одну «душу» хозяева выделяли 0,04 десятины усадебной земли, 2,48 десятины покосов, 200 кв. саженой для выгона скота, 0,34 десятины пашни. Таким образом, 1433 жителя имели усадебной земли 56 десятин, пашни – 490 дес., покосов 3559 дес., выгонов 552 десятины. Однако вскоре, оставив прежнее количество земли на усадьбах и пашнях, хозяева нарезали только по одной десятине покосов на душу и сократили выгоны для скота на 433 десятины. При этом лысьвенцы были обложены непосильным оброком, значительно превышающим размеры оброка для крестьян, проживающих в окрестностях завода.

По существующим законам, сворачивая производство и сокращая количество мастеровых, хозяева обязаны были наделять их землей, чего они делать категорически не хотели. Чтобы не отдавать бесплатно землю, управление завода не увольняло рабочих, а пошло по пути сокращения рабочего дня. Широко вводились так называемые «гулевые» дни, которые составляли до 50% рабочего времени. Была установлена определенная последовательность: одни рабочие работают, другие в это время «гуляют». Хозяевам такая форма «работы» была выгодна: имелся резерв свободных рабочих рук, устанавливалась минимально низкая заработная плата, увеличивалась продолжительность рабочего времени. Однако в 1866 году количество работающих на заводе все же сократилось до 500 человек. В 1874 году было закрыто доменное производство, в результате чего пришлось увольнять десятки мастеровых и оставлять без работы еще большее количество крестьян, занятых на подсобных работах.

Получив личную свободу, лысьвенские мастеровые не получили никаких формальных прав на землю. С точки зрения хозяев завода они пользовались землей незаконно, а поэтому было принято решение продавать рабочим землю. В 1880-е годы П.П.Шувалов приступил к продаже земли сначала по 13 руб., а потом по 15 – 20 руб. за десятину. В зависимости от финансовых возможностей рабочие приобретали от 1 до 20 десятин. Землю можно было купить и в рассрочку с удержанием определенных сумм из заработной платы. Однако было немало и таких, кто не мог покупать землю и на этих условиях. В таких случаях землю брали в аренду у заводоуправления.

До конца вопрос о пользовании землей мастеровыми оставался не решенным вплоть до Октябрьской революции. Так, среди требований мартовской 1914 года забастовки рабочих о повышении заработной платы и 8-часовом рабочем дне были и такие, как предоставление льготных условий на пользование сенокосами и бесплатный выгон скота на летние пастбища.

Сохранилось немало земельных планов, по которым можно судить о беспорядочном и плохо продуманном подходе заводского правления по продаже земли мастеровым. Например, в плане «На продажу земли графом П.П.Шуваловым мастеровым Лысьвенского завода Задневского участка в потомственное их владение в числе 34 человек, а всего земли 153 дес. в Пермской губернии и уезда Лысьвенской волости составлен в 1892 году» видно, что наделная земля мастеровых примыкала к самым границам завода, тогда как проданный Задневский участок и выкупная земля крестьян выселка Дуброво со всех сторон была окружена хозяйскими землями. Когда же пришла пора модернизировать металлургический завод и строить новую посудную фабрику (это название не прижилось и, она стала называться фабрикой металлических изделий) П.П.Шувалову, а потом его наследникам, пришлось втридорога выкупать землю у мастеровых и крестьян.

10 лет после отмены крепостного права лысьвенцы жили в тревожном ожидании. В фабриках не утихали волнения работников. Наконец, в 1871 году они слились в одно нескончаемое семимесячное волнение мастеровых по поводу мизерного жалования, выкупа земельных наделов, мирских податей, земских сборов. Последние, как раз, и явились причиной очередного взрыва недовольства мастеровых. Они категорически отказались платить новые земские сборы. Когда же деньги были попросту удержаны из жалования, разгневанные рабочие ворвались в волостное правление и силой вернули их себе. В очередной раз волнения закончились ничем. 16 активистов были арестованы и отправлены в Пермь. В числе зачинщиков снова были М. Баландин и Ф.Сушин.

Самыми тяжелыми для лысьвенцев были 1880 - 1890-е годы. Работы было мало, жалование мизерное, денег не хватало. Часто деньги и продовольствие приходилось брать в долг у торговцев, оставляя в качестве залога расчетные книжки. В заводских цехах почти не осталось подростков. Взрослые рабочие брались выполнять любую копеечную работу, лишь бы была возможность заработать. Подростки появлялись в цехах только во время обеденного перерыва с едой для своих отцов и старших братьев. Не редко рабочие сами готовили пищу на горне или костре. В обоих случаях самым распространенным кушаньем была «скородумка» - похлебка, приготовленная из продуктов, оказавшихся в данный момент под рукой, или «тюря» - круто посоленный квас с хлебными крошками или толокном. Из дома приносили пироги с начинкой из овощей и паренки. Мало чем отличалась и домашняя еда. В основном пища была мучной. Только изредка в еду попадало мясо или рыба.

Свой поселок лысьвенцы покидали крайне редко. Разве что не по своей воле, как это было с рабочими Баландиным, Сушиным, Косачевы, Сыропятовым и другими возмутителями спокойствия, увезенными в Пермскую тюрьму, да еще для отбытия воинской повинности. В 1870-е годы порядок призыва в армию стал меняться. Так, 19 января 1871 года состоялся сход крестьян Бизевского сельского общества, посвященный отправке в армию. По существовавшим тогда нормативами от 1000 душ в армию должны были быть призваны 6 рекрутов. Поскольку в Бизевском обществе такого количества душ не было, оно готовило 3-х человек: 2-х – «коренных» и 1-го – «подставного» на случай, если с одним из «коренных» что – нибудь случится и, он не сможет идти в армию. Сход подтвердил, что из деревни Бурсяки «семейством назначен в рекруты Федор Леонтьев Вотинков... по летам (21 год 5 месяцев), росту и здоровью к военной службе признан годным» и из деревни Капиданы Андрей Архипов Силин. «Подставным» был назначен Алексей Федоров Симанов из д. Бизь. Общество ручалось за рекрутов и заверяло, что все они «поведения хорошего, под судом и следствием не были и не состоят».

В 1874 году с началом военной реформы была введена всеобщая воинская повинность. Мужчины, достигшие 21 –летнего возраста стали объектом внимания военных чиновников, врачей, этнографов, статистов. Анализ данных военных призывов с 1874 по 1885 год дает представление о среднестатистическом лысьвенце: его здоровье, образовании, семейном положении. В цифрах это выглядело следующим образом: по Лысьвенскому заводу и деревне Канабеково (для сравнения) от общего числа лиц призывного возраста - 76% и 58%; неспособных к военной службе по болезни - 28,3% и 40%; женатых – 54,7% и 58,5%; грамотных – 20,5% и 1%; незаконнорожденных – 4,5% и меньше 1%; бывших под судом на 1 тыс. человек – 20 чел., и 40 чел.

В 1895 году единоличным хозяином Лысьвенского завода стал граф П.П.Шувалов. Прекрасно образованный, имеющий большой жизненный опыт и немалые средства, он решил реконструировать Лысьвенский завод, до этого ничем не отличавшийся от подобных уральских заводов с допотопной техникой и устаревшей организацией труда. В Лысьву потянулись рабочие из закрытых уральских заводов, разорившиеся крестьяне, иной люд, желающий получить хоть какую работу. В 1900 году со строительством железнодорожной ветки Калино – Лысьвенский завод количество приезжих увеличилось

Сейчас это были не только уральцы, но и жители соседних губерний: Вятской, Казанской, Нижегородской.

Генераторами технического преобразования завода стали приглашенные в Лысьву специалисты и инженеры Ф.Ф.Фосс, Н.Л.Толстов, Д.Я. Ремянников, И.А.Соколов, В.А.Гассельбладт, И.Н.Шуткин и десятки других. Их неустанными трудами металлургический завод получил «второе дыхание», позволившее ему плодотворно работать без малого сотню лет. Это были высокообразованные «технари», для которых существовала одна страсть – завод и все, что связано с его развитием и процветанием. К сожалению, их имена и дела были забыты на долгие годы. Однако были и другие специалисты, вошедшие в лысьвенскую историографию, например, заведующий листокатальным цехом Н.Н.Шпынов и главный механик металлургического завода А.А.Кузьмин. Первый был тесно связан с лысьвенскими социал-демократами периода первой русской революции, второй стал одним из активнейших руководителей большевиков кануна и первых лет после октябрьского переворота 1917 года.

Разный люд съезжался в Лысьву. Много было таких, кто собирался осесть навсегда на новом месте. Им нужны были усадьбы, пашни, покосы, выгоны для скота. Они привозили с собой семьи, вслед за ними приезжали родственники и знакомые из родных мест. На заводе они брались за любую работу и трудились хорошо. Из числа таких переселенцев выделялись торговцы, кустари, фотографы, художники, служащие. Со временем вновь приехавшие укоренялись в Лысьве, рождались с местным населением и полностью ассимилировались с ним.

С началом Первой мировой войны на завод посыпались заказы военного ведомства. Производство стало стремительно расширяться, заводу срочно требовались все новые и новые рабочие руки. Для покрытия дефицита рабочей силы администрация вербовала рабочих по всей стране, размещала объявления в газетах и рассылала циркуляры по земствам, привозила из-за границы китайцев, нанимала женщин и подростков. На 1 июня 1916 года среди 10146 рабочих было 1513 женщин, 1312 подростков, 620 военнопленных чехов и словаков, число которых к 1917 году возросло до 2000 человек. Женский и подростковый труд широко использовался в ночные смены, тогда как их заработная плата была значительно ниже рабочих – мужчин.

Резкое возрастание военных заказов и сокращение сроков на их выполнение заставило администрацию завода интенсифицировать работу каждого отдельного работника. Увеличилась продолжительность рабочего дня, сократилось обеденное время, участились сверхурочные работы и работы, не входящие в перечень обязательных. От поставщиков все чаще стало поступать бракованное сырье, что вело к увеличению заводского брака, а значит и к сокращению жалования рабочим. Почти нормой стали перебои в поставках угля из Кизеловских шахт, в результате чего некоторые цехи или снижали объемы выпускаемой продукции, или останавливались. И снова это сказывалось на величине заработной платы. В целом по заводу за годы войны она увеличилась в 2 – 2,5 раза. В то же время в 3-4 раза возросли цены на продукты питания. Высокие цены на муку были восприняты лысьвенцами крайне болезненно, потому что мучные блюда были их основной едой. Специально созданный продовольственный комитет начал вводить талонную систему, нормирующую продажу продуктов питания.

Обострилась обстановка с жильем. Было принято решение отводить под строительство новых домов церковные земли между современной ул. Садовой и парком им. А.С.Пушкина. Землю можно было взять в аренду по 9 коп. за кв. сажень сроком на 12 лет с правом последующего выкупа. Заводоуправление давало новоселам в долг лес, железо, стекло.

Активную роль в застройке Лысьвы играл проектный отдел металлургического завода. Специалисты отдела могли разработать проект любого жилища на любой вкус и достаток будущих хозяев. Образцом их умений были дома руководителей лысьвенских заводов и горного округа. Многие дома по функциональности, комфорту и красоте могли бы

поспорить с жилищами сегодняшних толстосумов. В распоряжении хозяев были удобные кабинеты, библиотеки, спальни, детские, столовые, залы для отдыха и танцев, комнаты для прислуги, туалеты, ванные комнаты. Для отделки внутренних помещений использовались дорогие сорта дерева, бронзовое и чугунное литье, дорогие керамические изразцы и т.д. Как правило, вокруг жилых построек разбивались сады и огороды, возводились летние беседки и цветники.

Для служащих, интеллигенции, рабочих проектировались и строились одно-, двух-, четырех-, восьмиквартирные дома с тремя – четырьмя комнатами. Дома возводились между Аптекарским переулком, улицами Шувалова и Садовой и восточной частью Травянского пруда. Рядом с жильем размещались добротные хозяйственные постройки: коровники с сеновалами, бани, ледники, нарезались огороды. Район для застройки был выбран не случайно, поскольку ближе к заводу воздушный океан был отравлен ядовитыми газами и дымом от сжигания низкосортных кизеловских углей.

Для одиноких специалистов архитектор Ф.И.Лидваль спроектировал в 1915 году красивый и удобный трехэтажный Дом холостяков (ул. Советская, 19). Его построили на усадьбе В.И.Быстрых по ул. Успенской.

В годы Первой мировой войны на юго – восточной окраине Лысьвы стали возводиться так называемые казармы для временных и сезонных рабочих, приезжавших из западных губерний, и мобилизованных на работу в заводе солдат. В каждую из казарм размещалось по 75 – 100 человек. Для них были оборудованы раздевалки, сушилки, кухни, столовые. После знаменитого Брусиловского прорыва в 1915 году в Лысьву стали поступать большие партии пленных австро-венгерских солдат. Они построили для себя Н – образные двухэтажные казармы: три по ул. Чайковского, к востоку от автобусной остановки «Копровый» и две на перекрестке ул. Балахнина и ул.Перовской. Эти казармы называли «типы» - по названию типовых проектов военного ведомства. Для пленных офицеров на перекрестке ул.Ленина и Проспекта Победы были выстроены коттеджи - необычные для Лысьвы двухэтажные дома с островерхими крышами.

Казармы для солдат и клуб были построены также в районе железнодорожного вокзала.

В соответствии с архитектурным планом за 1916 год Лысьвенский поселок представлял собой четко спланированный населенный пункт, разделенный на кварталы широкими и прямыми улицами, сориентированным в направлении «север – юг» и переулками, идущими перпендикулярно улицам в направлении «запад-восток». У каждой улицы и переулка были свои названия. Ниже заводского пруда вдоль правого берега реки Лысьвы раскинулись цеха металлургического завода. Севернее его, тоже на правом берегу реки, в годы войны вырос новый механический завод. Для удобства жители Лысьвы присваивали новым застройкам наименования: «Мыс», «По Травяной», «Пеньки», «За Песчанкой», «Луга», «За Рекой», «Сахалин». По ул. Церковной (ул.Коммунаров) можно было попасть на тракт, ведущий в Чусовской завод, по Шуваловской (ул.Мира) - через плотину на Кунгурский тракт, по ней же, но в восточном направлении –на Кусьинский тракт и Кыновской коридор с выходом на Гороблагодатский тракт. Глядя на план, можно судить, что поселок бурно развивался в восточном направлении. В то же время появились новостройки на западе между речкой Болотной и Пьяной Горой под названием «За Рекой» и на севере в районе железнодорожного вокзала «Сахалин». Эти микрорайоны, как и другие, застраивались частными домовладельцами.

Техническая реконструкция завода, Первая мировая война, огромный приток пришлого населения – все это привело к тому, что лысьвенцы растворились в массе вновь прибывших. Веками складывающаяся заводская культура стала размываться грубостью и невежеством сельских и городских маргиналов. Если в начале XX века в поселке проживали православные и старообрядцы, то в середине второго десятилетия появились иудеи, католики, протестанты, буддисты. Кроме русских и татар появились представители ранее не встречающихся в Лысьве национальностей: поляки, латыши, чехи, словаки, немцы, венгры, китайцы, украинцы.

В то же время в Лысьву приезжали по – настоящему грамотные люди, имеющие фундаментальное академическое образование.

Изменился внешний вид лысьвенцев. Мужчины – рабочие почти все брили бороды и носили усы. В одежде стал преобладать городской стиль. Сукна и ткани заводского производства вытеснили домотканые холсты. Яркие одежды женщин сменились одноцветными костюмами, состоявшими из кофты и юбки. Такие костюмы называли «парочками». Платки и шали стали самостоятельным головным убором. Мужчины нарядились в косоворотки, которые носили на выпуск и подпоясывали ремешком или пояском. Поверх косоворотки надевали пиджаки, хотя в жаркую пору обходились и без них. На ноги надевали сапоги, на голову – картуз или шляпу.

Во все времена костюм выражал индивидуальность человека. Вот как описывает современник костюм одного из самых богатых и известных лысьвенцев Петра Афанасьевича Ярославцева: «Его фигуру венчала не шапка, а что – то подобное шутовскому колпаку. Его шапка была сшита «собственными руками» из лоскутков тяжелого материала с двумя козырьками и рядом побочных отворотов. Он обычно был одет в куртку, по покрою схожую с женской душегрейкой, сшитой из коричневой «чертовой кожи», опущенную по борту, снизу, на воротнике и рукавах заячьим мехом. Фланелевая красная рубашка непременно свисала на четверть аршина ниже куртки. Летом и зимой на ногах красовались валяные сапоги, притом один черный, другой – белый, с красными пятнышками, с разрезанными сзади до половины голенищами – для удобства. Длинная палка с делениями – мера - в руках». Под шутовским колпаком скрывался холодный и расчетливый ум дельца, предпринимателя, ростовщика, торговца, который между делом мог загнать жену в ледяную воду осеннего пруда помогать вытаскивать на берег тяжелые бревна или выдать управляющему заводом кредит в 50 тысяч рублей золотом для выдачи жалованья рабочими и покупки муки для работников завода. О происхождении своего капитала он говорил: «Сам и жена шапки шили – вот и накопили».

Грубее становились нравы. Деревенская патриархальность, когда «все было на виду у соседей», растворилась в шуме и гаме общежитий, заполненных равнодушными мало знакомыми друг другу людей. Тяга к алкоголю обществом уже не порицалась. В поселке действовали несколько пивных заведений. По праздникам и особенно в масляницу на льду Травянского пруда устраивались кулачные бои, заканчивающиеся порой кровью и увечьями. Участились случаи воровства и мошенничества.

Одним из любимых праздников была Троица. Гулянья проходили на площади перед больницей или прямо на улицах. Женщины водили хороводы и пели песни, мужчины играли в мяч, молодежь – «в рулетку». Желаящие помериться силой принимали участи в борьбе, которая называлась «за воротки». Она заключалась в стремлении партнеров подсесть друг друга ногами или, положив руку на правое плечо, за перевязь свалить противника на землю. Победитель мог получить приз, например, отрез материи на рубашку. У лоточников можно было купить конфеты, пряники, орехи, щи. В специально построенной ротонде играл духовой оркестр. Не редкими были «вечеринки», когда в большом доме собирались кампании по 40 – 50 человек. На собранные «вскладчину» деньги покупали еду и спиртное. После трапезы плясали, пели песни, иногда дрались. Однажды перед волостным судом предстали сразу 30 человек «за нарушение тишины и спокойствия»...

В начале XX века в силу удаленности от больших городов и промышленных центров власти высылали в Лысьву на разные сроки рабочих и интеллигентов, относящихся к категории «политически неблагонадежных». Это были представители различных политических сил, проступки которых не позволяли власти отправить их в арестантские роты, в тюрьму или на каторгу. Считалось, что изоляция от общественной и политической жизни в крупных промышленных центрах охладит их активность. Среди первых политических ссыльных на поселение в Лысьвенском заводе были социал – демократ сормовский рабочий П.В.Горбунов (1903 г.) и эсер врач Г.Г.Вульвиус. (1905 г.).

Именно эти люди преподавали лысьвенцам первые уроки политической борьбы в 1905 – 1907 годы. Горбунов, Вульфius и им подобные ссыльные не имели в Лысьве крепких корней в виде семей, родни, собственности, не были обременены заботами о хозяйстве, стариках и детях. Они были образованными, много повидавшими и свободными людьми, которые почти 20 лет формировали общественное сознание лысьвенцев на основе социал – демократических и эсеровских идей. По мере обострения социально – экономических противоречий в центре России таких людей становилось все больше на ее окраинах, в том числе и в Лысьвенском заводе.

На втором году войны в Лысьве появились большевики Ф.Ф.Аппога и Я.Я.Страутман из Латвии, А.Г.Белобородов из Тюмени, С.В.Даниленко из Москвы, А.М.Кулешов из Екатеринбурга, С.А.Новоселов из нарымской ссылки, Н.П.Парфенов из Петрограда и т.д.; меньшевики Я.И.Жандармов, Г.Г.Кузнецов, бывший депутатом III государственной Думы от рабочих Екатеринославской губернии, Смирнов, Шаповалов и др. Социально активные, грамотные, имеющие широкий жизненный кругозор, не обремененные семейными и хозяйственными заботами, они проникали в руководство кооперативного общества «Рабочий», восстанавливали подпольные партийные группы, налаживали связи с однопартийцами в других уральских заводах, в качестве посредников вмешивались в конфликты, возникающие между администрацией и рабочими, установили контроль за работой больничной кассы, а после Февральской революции создавали Совет рабочих и солдатских депутатов, разоружали полицию, создавали народную милицию. Агитируя лысьвенцев за поддержку своих политических партий, они широко использовали трудности военного времени, в первую очередь, продовольственный кризис и неудовлетворительный рост заработной платы. При этом в 1917 и последующие годы они не только преподавали уроки политической борьбы, но и активнейшим образом вели эту борьбу, вовлекая в них многих лысьвенцев. За активную поддержку социалистической революции и большевиков Л. Д.Троцкий, а вслед за ним пермские «товарищи» называли Лысьву «Уральским Кронштадтом».

В революции 1917 года проявилась социальная и политическая активность тех лысьвенцев, кто ранее был лишен возможности показать себя с этой стороны. В большинстве своем это были неграмотные или малограмотные люди. Не редко, выдвинутые на руководящие должности, они доводили дело до курьеза. Например, назначенный военным комиссаром Лысьвы П.В.Баташов ничего в военном деле не смыслил. Когда ему потребовалось обучить группу лысьвенцев стрельбе из пулемета, он посчитал, что второй номер должен был тянуть на себя пулеметную ленту, и в этом заключалась его роль. Естественно, патроны перекашивались, гнулись, и стрельбы не получалось. В январе 1918 года советское правительство стало вводить рабочий контроль над производством. К управляющим лысьвенскими заводами были назначены рабочие комиссары. Один из них, кузнец Е.И.Маврин, приставленный к управляющему механическим заводом Л.А.Лазерсону, умел только писать свою подпись. Это не помешало ему спустя четыре года стать управляющим Пермским горнозаводским трестом. 27-летний слесарь А.Г.Белобородов был избран председателем Уральского областного Совета, обладающим неограниченными властными полномочиями и личной связью с председателем ВЦИК Я.М.Свердловым. Белобородов имел отношение к принятию решения об убийстве императора Н.А.Романова и членов его семьи. Формовщик фасоно – литейного цеха И.И.Соларев стал командиром полка, а лесоруб К.А.Азин – ответственным работником политотдела 3-й армии. Были среди выдвиженцев из числа рабочих по-настоящему талантливые люди. Среди них особо выделялись С.Я.Подойницын и И.Д.Лызов. Невероятная работоспособность, глубокий ум, желание учиться позволили им стать легендарными «красными директорами», много преуспевшими в восстановлении и развитии уральской промышленности.

Круговерть гражданской войны увлекла за собой тысячи лысьвенцев. Многие с оружием в руках выступали на стороне «красных», тогда как о тех, кто воевал на стороне

«белых» практически ничего не известно. Если в литературе и упоминаются чьи – то фамилии со стороны «белых», то только с эпитетами «изверг», «предатель» и т.п. Это одна из не прочитанных страниц лысьвенской истории.

Летом и осенью 1918 года Лысьва оказалась в прифронтовой полосе. Заводы не работали. Зарплата не выдавалась. Немногим счастливицам удавалось устроиться на работу в цеха, выполняющие заказы для фронта. Военный комиссариат изнурял лысьвенцев непрекращающимися постоями воинских частей, идущих на фронт или возвращающихся в тыл на переформирование. Красноармейцев надо было кормить, поить, отмывать в бане, обстирывать. Многие из них были больны. Снабжение продовольствием гражданских лиц осуществлялось с перебоями. Собственные запасы быстро истощались. Предстояла по настоящему голодная зима.

9 декабря 1918 года в Лысьву вошли «белые». С их приходом жизнь лучше не стала. В первую же ночь были расстреляны большевики Ф.Ф.Аппога, Д.А.Никулин, А.А.Оборин и А.И.Худеньких. Под страхом наказания жили семьи, чьи мужчины ушли в армию с красноармейцами или уехали с большевиками в эвакуацию. Попытки жить «по-старому», как жили до революции, не получались, потому что не было достаточно работы, уверенности в завтрашнем дне, власти, гарантировавшей скорый порядок и спокойствие. Начался голод. Чтобы заработать для семьи пропитание, некоторые рабочие помогали «белым» демонтировать заводское оборудование, которое предполагалось вывести из Лысьвы. Сочувствующие «красным» конечно, были. Однако организованного сопротивления «белым» они не оказывали. Информации о действиях в Лысьвенском заводе агентов Урало-Сибирского бюро ЦК РСДРП (б), созданного в январе 1919 года, не обнаружено. Если о большевистском сопротивлении и можно говорить, то только на основании воспоминаний самих участников, например, П.И.Куликова и В.В.Щипанова. Документальных подтверждений их антиколчаковской деятельности почти нет. Поэтому вызывает сомнение утверждение авторов научного издания «Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь» о якобы бывшем в Лысьве антиколчаковском восстании.

10 июля 1919 года «белые» покинули Лысьву. Вместо них пришли «красные». Их встретил обезлюдевший поселок, по замусоренным улицам которого бродили голодные собаки. Общественные здания сияли пустыми глазницами выбитых окон. Деревянные тротуары с гнилыми досками были разбиты и разметаны конниками, любившими лихо промчаться по ним. Крыши заводских цехов провалились под тоннами снега, который за всю долгую зиму никем не убирался. На железнодорожном вокзале стояли не отремонтированные, а потому брошенные вагоны и полуплатформы, забитые подготовленным к эвакуации заводским оборудованием. Нищета, голод, отчаянье. Так «Уральский Кронштадт» встретил приход новой советской эпохи.

Измученные голодом, лысьвенцы покидали свои дома и разъезжались по деревням к родственникам, нанимались батрачить к богатым крестьянам. Жители, оставшиеся в Лысьве, ходили по деревням и выменивали на продукты все, что можно: одежду, инструменты, скобяные изделия, посуду. Новая власть стала организовывать продовольственные отряды, которым вменялось в обязанность отбирать «излишки» зерна и муки у крестьян и этим кормить голодное население Лысьвы. Особой веры в большевиков не было, как не было веры и в Верховного правителя. Все ждали прихода «другой власти».

Некогда многолюдный заводской поселок пустел на глазах. В 1920 году в Лысьве насчитывалось 13381 житель, а в 1923 году – 11035 человек. Это было меньше, чем одних только рабочих в 1916 году на металлургическом и механическом заводах вместе взятых.

Лысьвенские большевики разрушили «старый мир до основания». «Новый» мир стали строить на одной только вере в светлое будущее, дурача нищих, голодных, измученных войнами людей красивыми байками о социализме и коммунизме. Тем, кто еще хотел на что – то надеяться, была по душе изощренная демагогия о равенстве народов, о гегемонии пролетариата, о социалистическом рае. Лейтмотивом последующих десятилетий для

лысьвенцев могли бы послужить слова, высказанные рабочими 13 апреля 1929 года на общем собрании, посвященном XV1 Всесоюзной конференции ВКП (б): «Пусть нам будет трудно, зато нашим детям будет хорошо».

Разрушенные заводы начали восстанавливать без денег, без зарплаты, без специалистов, без планов и чертежей, без еды, без сырья. На бесплатные субботники и воскресники выходили сначала десятки, а потом сотни рабочих. Заводилами субботников выступала комсомольская молодежь во главе с Т.Еремеевым. С утра до вечера люди разбирали завалы из битого кирпича, бетона и мусора, ремонтировали крыши, вставляли окна, собирали вдоль Западно - Уральской железной дороги разбросанное тут и там заводское оборудование, которое «белые» хотели увезти с собой, возвращали его в цеха и занимались восстановлением. Наипервейшая задача заключалась в налаживании выпуска дефицитной эмалированной, оцинкованной и луженой посуды. Для её осуществления переоборудовали штамповальный, ведерный и лудильно-оцинковальные цеха, построили и оборудовали новый цех эмалировочной посуды на 10 печей, модернизировали травильный цех для эмальпроизводства, в 1924 году начали, а в 1927 году закончили строительство второго листопрокатного цеха. Изготовленную посуду обменивали у крестьян на продовольствие и продавали на рынке. Полученные таким образом деньги пускали на реконструкцию. Пока же за активное участие в субботниках рабочие получали осьмушку хлеба и ржавую соленую селедку. Параллельно шло восстановление и реконструкция мартеновских печей № 1, 2, 3, 4, переоборудована электрическая мастерская, установлен новый паровой котел, отремонтирован подвижной состав, приобретены новые паровозы и многое другое. Отремонтированные цеха переходили на двух –или трехсменную 8-часовую работу. Обеденный перерыв из 8-часового рабочего дня был исключен.

Немыслимый объем восстановительных работ был проделан в кратчайшие сроки с 1923 по 1926 год в полном смысле слова голыми руками и на одно энтузиазме. В воспоминаниях современников постоянно упоминалось о полном отсутствии охраны труда, о загазованности в цехах, о невероятном шуме и полумраке от мельчайших частиц масел, плавающих в воздухе, о лютом холоде зимой и адской жаре летом, об одежде, состоящей из старых лохмотьев.

В Лысьву начали возвращаться ее жители. По переписи населения в 1926 году в городе проживало 27286 человек, в том числе 12822 мужчины и 14464 женщины. Около 17 тысяч человек жили в правобережной части города остальные в левобережной «За Рекой».

Чтобы не умереть от голода, по прежнему приходилось много времени уделять огородам и подсобным хозяйствам. Заработная плата рабочих с трудом поддерживала только биологическое существование. Еды и промтоваров в торговых лавках купить практически было невозможно. «С рук» можно было купить стакан молока за 50 коп., одно яйцо – за 1 руб., кусочек сливочного масла величиной со спичечный коробок – за 2 руб. и т.д. Для покупки обуви или материи на костюм нужно было копить 100% зарплаты в течение целого года. Невероятным дефицитом был керосин, спички, мыло. Купить продукты питания на рынке было тоже трудно. Крестьянам из окрестных деревень продавать было тоже нечего и, если они что – то везли на рынок, то только лишь для того, чтобы заработанные от продажи товара деньги отдать государству в виде налога.

Зарплата на 1-го рабочего в месяц	1917 год (данные приведены для сравнения)	1924\1925 г.	1925\1926 г.	1926\1927 г.	1927\1928 г.
	50 руб. у 53% раб., 60-125 руб. у	37,7 руб. Выработка на одного	50,1 руб. Выработка на одного	56,9 руб. Выработка на одного	60,57 руб. Выработка на 1-го

	34% раб., Больше 125 руб. у 13% рабочих	рабочего составила 100%	рабочего составила 150,9%	рабочего составила 119,5%	рабочего снизилась до 107,7%
--	--	-------------------------------	---------------------------------	---------------------------------	------------------------------------

В годы восстановления промышленности из послевоенной разрухи у государства существовало много способов залезть в карман рабочих и таким образом решать финансовые проблемы индустриализации. Распространенной формой были субботники и воскресники. Вероятно, активное участие в них и породило в июле 1926 года у комсомольской молодежи идею создания «ударных бригад взрослого юношества», показывающих очень высокую производительность труда. Впервые такие бригады появились в цехе эмалированной посуды, жестекатальном и, немного позднее, в лудильном цехах. Эта инициатива лысьвенской молодежи получила широкую поддержку не только на Урале, но и по всей стране и вошла в историю строительства социализма в СССР как движение ударных бригад или ударничество. Сначала, как водится, участие в ударничестве носило добровольный характер и работа в ударных бригадах всячески поощрялась и рекламировалась, даже зарплата у ударников была раза в два выше, чем у остальных рабочих. Представитель РК ВЛКСМ на лысьвенском заводе Потапов докладывал в Пермский окружном комсомоле 20 августа 1926 года, что зарплата «в среднем падает на человека по 105 руб.30 коп». Однако когда ударничество приобрело массовый характер, участие в нем стало далеко не всегда добровольным, а зарплата не столь высокой. Вчерашняя норма «ударника» сегодня становилась обычной нормой. Совсем не случайно довольно быстро ударничество стало изживать себя и было заменено стахановским и изотовским движением, а те, в свою очередь, движением «двухсотников», работников, перевыполняющих дневную норму в два раза, социалистическим соревнованием и т.п.

Советские историки написали немало работ, посвященных размерам заработной платы уральских рабочих в период активного строительства социализма. В 1928\1929 году зарплата рабочих металлургической промышленности равнялась 63, 71 руб., что было на 9, 43 руб. меньше, чем, например, в полиграфической промышленности. Постепенное повышение зарплаты базовых отраслей промышленности осуществлялось за счет полной ликвидации уравниловки между квалифицированными и неквалифицированными работниками, внедрения прямой и прогрессивной сдельщины, введения новой тарифной сетки и увеличения вилки между первым и последними разрядами и т.д. В.Г.Черемных в своей статье «Рост заработной платы уральских рабочих и сокращение рабочего дня на предприятиях Урала в годы первой и второй пятилеток» приводил такие данные:

Среднемесячная заработная плата в рублях в металлургической промышленности								
1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
63,6	65,5	68,0	77,6	96,8	118,6	155,5	201,9	259,5

За девять лет зарплата в среднем увеличилась на 24,5%. За счет чего? 3 января 1929 года Лысьвенские заводы первыми на Урале перешли на 7-часовой рабочий день. По данным В.Г. Черемных из 12 заводов, первыми перешедших на сокращенный рабочий день, только в 4 – х (в том числе в Лысьвенском) дневная выработка на одного рабочего превысила дневную зарплату этого же рабочего, в остальных все было наоборот. Ученые в один голос утверждали, что процесс сокращения рабочего дня сопровождался улучшением материального положения рабочего класса. Откуда брались деньги?

Одной из оскорбительных форм изымания денег у населения были кампании по добровольно-принудительной подписке на государственные займы индустриализации. Так называемые комиссии содействия госзайму устанавливали для каждой категории работающих квоту, согласно которой они должны были приобретать облигации на требуемую сумму в 20, 30, 50 и т.д. руб. Не редко люди сквозь слезы отдавали за облигации последние деньги, зато советские чиновники писали в отчетах: « Особенно выделить хорошо проведенную работу по займу Чусовой и Лысьвы, Добрянки и

Ильинска». Начатые в 1920-е годы, госзаймы были широко распространены в военные и послевоенные годы.

На основании циркулярных указаний, поступающих из выше стоящих партийных и советских органов, часто пересматривались нормы выработки в сторону их увеличения и, соответственно, за этот счет сокращался фонд заработной платы рабочих. Например, в 1928 году на металлургическом заводе «пересмотром» было охвачено 2230 человек с фондом оплаты за 11 месяцев 2837756 руб. В результате увеличения норм выработки было «сэкономлено» 53600 руб. Сегодня невозможно понять слова газеты «Уральский рабочий»: «...ударники выкинули лозунг: «Мы не хотим обсчитывать свои заводы!» - и начали добровольно снижать расценки и требовать пересмотра норм в сторону их повышения».

В 1929 году по инициативе ленинградского рабочего П.Н.Слободчикова стали проводиться так называемые дни индустриализации. Суть их заключалась в том, что заработная плата одного дня отчислялась в «фонд индустриализации». По этому поводу бюро лысьвенского РК ВКП (б) от 8 июля 1929 года приняло решение: «4.Отчисление в фонд индустриализации производить с фактической суммы заработка работающих в день 6 августа, в отношении размера отчисления всех остальных групп рабочих, не работающих в этот день, как – то: гулевых отпускников и т.п., размер отчислений поручить проработать в 2-х дневный срок...» думается, не от хорошей жизни рабочие чугунолитейного цеха в составе 9 человек (Вяткин, Кудрявцев, Кожевников, Курганов, Кипчяков, Русских, Синягин, Трапезников, Усихин) пошли дальше. Они обратились к своим товарищам с предложением в один из выходных дней каждого месяца в течение всего года выходить на работу и заработанные деньги перечислять в фонд индустриализации. Но партийным функционерам этого казалось недостаточно, и в ноябре 1929 года партийный актив постановил «перевести весь завод на ударный устав».

Жертвенность во имя «светлого будущего» была достаточно популярной среди лысьвенцев в годы «закладки фундамента социализма». Ярким подтверждением этого факта является инициатива стахановцев Е.И.Зотова, А.Д.Карякина, П.И.Щеглова, А.О.Шушакова, И.Х.Градобоева, С.И.Каменских, М.П.Оборина, М.Ф.Захарова, П.Б.Рыкова В.И.Соснина, А.Е.Долгих, Я.Г.Баранова из жестеотделочных цехов № 1 и № 2. О ней в приказе директора завода А.Звайгзне от 10 октября 1935 года говорилось: «Весь коллектив рабочих жестеотделочного цеха № 2 и 1...вынес решение о переходе с 4 час.48 мин. на 6-часовой рабочий день».

Нет оснований полагать, что все рабочие единодушно поддерживали эти инициативы, потому что в рапорте 1-му Пермскому окружному съезду ударных бригад отмечалось, что в Лысьве «прогулы чрезмерно велики и достигают 3,68%». Пресса тех лет без устали бичевала бракоделов, лодырей и пьяниц, призывала к экономии топлива, энергии, сырья, инструмента. И, что не маловажно, к концу 1920-х годов (если проводить сравнение с серединой 1920-х) стала существенно падать выработка на одного работающего. Пьянство носило массовый характер.

Известная советская журналистка Л.М.Рейснер приезжала в Лысьву в 1924 году и видела своими глазами, чего стоили «трудовые подвиги». В своем очерке «Лысьва», еще «не причесанном» цензурой, она писала об усталых, голодных, раздраженных людях, которым администрация завода пытается навязать повышение норм выработки и сохранение мизерной заработной платы. Представители класса гегемона, похожие на горьковских оборванцев, находятся на грани забастовки: «Не согласны на ваш договор, не хотим! Вон!». С болью и гневом она пишет о тех, кто выполняет дневную норму, сторяя у раскаленных мартенов и прокатных клетей, утопая в шликере у эмалировочных ванн и задыхается от паров серной кислоты и расплавленного олова. «Как ни механизирован труд, кто – то должен дышать серой, стоять в лужах, в течение двух часов разъедающих подошвы...Наука говорит: самое большое – три года, четыре. Больше человеческие легкие выдержать не могут».В аду заводских цехов рождалась новая религия – вера в лучшую

жизнь в будущем. Рождалась потому, что «сера и олово делают все относительным, разрушают волю к борьбе. Головокружение, такое мучительное вначале, превращается в однообразное и привычное опьянение». У новой веры есть местные апостолы – коммунисты Лызов, Кильдебек, Ермаков, Веприков, Палкин, у которых появляются сторонники и последователи.

Власть рассматривала жителей Лысьвы как одно из ресурсных обеспечений развития промышленного производства. Важным источником пополнения трудовых ресурсов были женщины. На 1 января 1929 года на заводе работало 2884 женщины, на 1 января 1932 года – 4004, что составляло 33,3% от числа всех работающих.

Одной из серьезных проблем для работающих женщин был надзор за детьми в то время, когда их матери были на работе. Помощь могли оказать детские сады. В 1924 году был открыт первый детский на 100 мест в казармах (тип.512 -144), в 1925 –второй на 75 детей, в 1929 году – третий на 75 мест. Всего же 1920-1930-е годы в Лысьве было открыто 14 детских садов и комнат и 40 детских яслей. В общей сложности их могли посещать около 1800 детей, что было вполтину меньше реальной потребности. Дошкольные детские учреждения располагались в непригодных помещениях, обставленных более чем скромным оборудованием. При подведении итогов инвентаризации детсада им. Молотова в ведомость было записано: в наличии один умывальник, один ухват, один топор, одна пила, две вазы для цветов, четыре кухонных ножа и т.п. Среди учебно-развивающих пособий были санки, тележки, совочки, флажки, куклы, петух, курочки, ружье, головки от кукол и т.п. Книги имелись только в детском саду имени Ленина. Из продуктов питания на остатке значились брусника, брусничное варенье, вермишель, манная крупа, топленое масло, мука белая, смородина сушеная, картофель, сахарный песок и куриное яйцо. Мясо было только в детских садах имени Крупской и КИМ. Однако даже при таком скромном содержании детских садов многие родители не могли себе позволить определить в них своих детей из – за высокой родительской платы. Бюджетное финансирование было очень скромным. У каждого детского сада были шефы в лице какого – нибудь цеха.

Начало коллективизации сельского хозяйства сопровождалось резким увеличением количества населения Лысьвы. В 1927 году население города составляло 31248 , в 1928 году – 40440, в 1929 году – 45000 человек. По тем временам Лысьва была весьма значительным по количеству населения городом. Естественный и механический прирост населения составлял 13-14 процентов в год. Основная масса приезжавших была из Вятки и коми-пермяцкого округа. Выходцы из Вятки строили дома в своем большинстве на юго – восточной окраине города в поселке им.Ленина. Пермьки селились «За рекой», в «Заболотной» и на «Липовой Горе». Около 30 домов, построенных из деревянного бруса в 1925 – 1926 годах, заселились новоприбывшими в Госстрое. В те годы среди вятских переселенцев бытовала шутка: «Если соскучишься по землякам, пойдешь в воскресенье на базар, закрой глаза и ткни пальцем в первого встречного – он обязательно окажется вятчиком».

Приезжающие поселялись у родственников, знакомых, бывших односельчан в банях, сараях, конюшнях. Свободного места в домах было так мало, что спать приходилось на полу, летом для сна использовали холодные сени и сеновалы, а обедать в две смены. 11 января 1928 года газета «Звезда» опубликовала информацию, в которой говорилось: «Потрясающее впечатление производят два барака в Техническом поселке. Эти бараки не разделены ни на квартиры, ни на отдельные комнаты. Нет даже потолка. Если придут домой рабочие, то негде поставить на пол ногу». Тысячи рабочих жили в таких бараках, называемых в народе «китайскими», «немецкими», «ломоносовскими», «толстовскими». По официальному свидетельству тех лет «нужда в новой (жилищной –Н.П.) площади вопиющая». Воду приходилось носить в ведрах из ручьев и родников (ключиков). Зимой для хозяйственных нужд и для скота растапливали снег. Скученность в жилищах, низкая санитарно гигиеническая культура, неудовлетворительное питание, плохое медицинское

обслуживание – все это приводило к вспышкам инфекционных заболеваний. Характерна в этом смысле статистика 1928 года, когда брюшным тифом переболел 81 человек, дизентерией – 123 человека, туберкулезом – 3179 человек.

Кризисную ситуацию с жильем видела и власть. По планам 1927 года для рабочих должно было быть построено восемь восьмиквартирных домов (пять каменных и три деревянных). На это было отпущено 4000000 руб. Из них освоено всего 279014 руб. При этом ассигнования на строительство жилья ежегодно увеличивались в 2 – 3 раза. Областные партийные руководители отмечали кризисную ситуацию с жильем помимо Лысьвы в Чусовом и Мотовилихе. Средняя жилая площадь на одного человека последовательно снижалась: на 1 октября 1925 года она составляла 4,99 кв.м., на 1\9\1926 г. – 4,12 кв.м., на 1\9\1927 г. – 3,43 кв.м. Только в 1936 году на каждого жителя стало приходиться 4, 4 кв.м. жилья, что на 0,6 кв. м меньше, чем было в 1925 году.

На проблемы с жильем, в частности, указывал и нарком просвещения А.В.Луначарский, побывавший в Лысьве в 1928 году. С участием видных государственных деятелей, таких как М.И.Калинин, А.В.Луначарский, Н.М.Шверник вопрос о жилищном строительстве в Лысьве сдвинулся с мертвой точки. Пока власти решали, где взять деньги и что строить, на субботниках и воскресниках лысьвенцы вручную копали траншеи и прокладывали водопроводные и канализационные сети, тянули и устанавливали так называемые «летние водопроводы». Для них водопроводные трубы не закапывали в землю, а пробрасывали прямо по улицам.

Наконец, 16 сентября 1929 года состоялось заседание экспертной комиссии по рассмотрению основных положений проекта планировки города Лысьвы. В работе над проектом принимал участие академик А.В.Щусев, непосредственно с докладом по проекту выступил профессор архитектуры В.Н.Семенов. Решения этой комиссии и реализация проекта оказали влияние на формирование архитектурного облика города до середины 1950-х годов.

В соответствии с проектом застройка и благоустройство города должны были идти вокруг Травянского пруда. Строительство на «Мысу» намечалось в три очереди. Заказчиком и исполнителем работ выступал металлургический завод. Помимо жилья, состоявшего из кирпичных трехэтажных домов на улице Ленина (нечетные номера), в новом поселке предполагалось выстроить Дворец культуры, школы первой и второй ступени, баню, прачечную, почту, столовую, банк, клуб, кинотеатр, библиотеку, стадион, водную станцию. По количеству зеленых насаждений микрорайон должен был напоминать парк. Новому поселку присвоили имя В.И.Ленина.

Не зависимо от проекта металлургический завод выстроил два трехэтажных каменных дома на ул.Смышляева.

Почти одновременно с проектной застройкой началось строительство двухэтажных деревянных домов в на северо - западной окраине Лысьвы. Новому поселку присвоили имя Л.Д.Троцкого. Позднее в народе этот микрорайон стали называть «Госстрой». Строительство индивидуальных домов велось вдоль улицы Аптекарской, а также за рекой Болотной. В народе новый поселок назывался «Заболотная».

Улицы Ленина, Аптекарская, Десятилетия Октября (быв.Шуваловская) рассматривались в качестве основных транспортных магистралей. По ним должны были курсировать трамваи и автобусы по маршруту «Ул.Ленина – железнодорожный вокзал» и «Парк им.А.С.Пушкина – «Зарека». Однако прежде надо было отремонтировать и замостить дороги, которые, как отметила сессия райисполкома в ноябре месяце 1926 года, почти все находились в непроезжем состоянии. Первой на очереди была дорога от железнодорожной станции до парка им.А.С.Пушкина. Работы по дорожному строительству велись медленно. В 1934 году общая протяженность замощенных улиц в Лысьве составила 7 км, а в 1936 году – 10 км.

Новостройки конца 1920-х начала 1930-х годов мало изменили внешний облик Лысьвы, хотя заметно расширились ее границы. По - прежнему большинство строений было из

дерева, по немощным улицам бродил скот, жители при заводских районах задыхались от едкого дыма и взвесей химических кислот. Над городом доминировали заводские трубы и церковь во имя Святой Троицы. Но воинствующие атеисты разрушили церковь, и Лысьва лишилась одного из самых красивых архитектурных сооружений.

Более существенными были изменения в заводах. Прежде всего, металлургический и механический заводы объединились в одно крупное предприятие черной металлургии. С юга на север протянулись километровые заводские улицы, застроенные новыми цехами. В цехах появились невиданные ранее станки и оборудование, закупленные за границей. Вот только работать на новом оборудовании приходилось учиться долго и трудно. Из-за отсутствия навыков и неумения управлять новой техникой часто случались поломки. На ремонт уходило много времени, и как результат, не выполнялась производственная программа. Вследствие этого сокращалась заработная плата рабочих. Подсказать и научить, как следовало обращаться с новой техникой, было некому, потому что не хватало грамотных специалистов. Руководители в большинстве своём сами выходцы из рабочих не имели современные технические и управленческие знания.

Для профессиональной подготовки рабочих кадров в 1920 году в Лысьве была открыта первая на Урале и одна из первых в стране профессионально – техническая школа. Не исключено, что это образовательное учреждение явилось своеобразным продолжением дореволюционного замысла открыть в Лысьве художественно – техническое ремесленное училище. По технической и учебной оснащенности профтехшкола не отличалась от подобных учреждений Москвы и Петрограда. Названная по дню открытия «Первомайской», за десятки лет школа выпустила тысячи высококвалифицированных рабочих для промышленных предприятий Лысьвы и Урала. Однако школа не могла удовлетворить потребности производства, нуждающегося в тысячах профессионально подготовленных рабочих. В соответствии с духом времени были придуманы так называемые школы ученичества массовым профессиям (ШУМПы). По сути дела это были курсы по ускоренному обучению токарей, фрезеровщиков, инструментальщиков, штамповальщиков, канавщиков, подручных сталеваров, помощников дублировщиков, эмалировщиков и т.п. Серьезных профессиональных знаний ШУМПы не давали. Более глубокую профессиональную подготовку осуществляли школы фабрично – заводского ученичества (ФЗУ). В 1929 году для подготовки специалистов среднего уровня в городе открылся механико – металлургический техникум. Его первыми студентами были передовики производства, «ударники», комсомольские, советские и партийные активисты, словом, те, кто уже доказал свою пригодность быть руководителями производства. В техникуме не делали скидок на слабую учебную подготовку абитуриентов, усталость на работе, на общественную деятельность, на то, что студентами приходилось готовиться к занятиям по ночам. Стены этого образовательного учреждения покидали высококлассные специалисты, такие как В.А.Онянов, П.И.Колесов, Н.С.Соснин, И.Н.Курзанов, М.А.Каюрин и сотни других выпускников, обеспечивших металлургическому заводу успешную работу в 1930 – 1950-е годы.

События 1930-х годов были связаны судьбой практически всех лысьвенцев. Это было участие в стахановском и изотовском движении, коллективизация сельского хозяйства, сталинские репрессии и подготовка к войне. Взрослое население Лысьвы уже достаточно настороженно относилось к призывам коммунистической партии: «Перевыполнять пятилетний план! Догонять развитые капиталистические страны!» и не спешило самоотверженно штурмовать очередные «вершины социализма». Зато молодежь, особенно комсомольская, выросшая в условиях советской действительности, готова была на все. В её воспитании немало преуспела советская школа и партийная пропаганда. Ставка на молодежь полностью оправдала себя. Показательная в этом смысле история инструментального цеха металлургического завода. Комсомольская молодежь участвовала в строительстве инструментального корпуса от рытья котлована под фундаменты до покрытия крыши. Это случилось в 1931 году. В новом цехе было

установлено новое токарное оборудование и заданы новые производственные программы. Старые рабочие не смогли ни освоить оборудование, ни выполнить программы. После предварительного отбора освоить сложнейшие лекальные работы было поручено молодежи. Через полгода проблема кадров и выполнения программы была решена. А еще через год лысьвенские инструментальщики целыми группами были откомандированы на работу на Уралмаш в Свердловск, на завод «Калибр» и «Фрезер» в Москву, на Челябинский и Сталинградский тракторные заводы, на Пермский моторостроительный завод и т.д.

Первой стахановкой стала Г.Рудометова. В своих воспоминаниях она писала, что впервые оказавшись в цехе эмалированной посуды, была ошеломлена огромным количеством людей, механизмов и небывалым шумом. Прошло совсем немного времени, и молодая работница не только стала выполнять, но и значительно перевыполнять дневную норму. Вместо 600 кг эмалированной посуды через её руки за смену проходило 2 тонны. В 1936 году Г.Рудометова делилась своим опытом с передовыми эмалировщицами страны в Ростове-на Дону. Много сделали для развития стахановского движения в Лысьве А.Чугунов, А.Аликина, Е.Овчинников, П.Плетенев, В.Мальцев, В.Белькова, П.Двинских, А.Заклучных, К.Ориничева, А.Николаевских.

В печати, на рабочих собраниях, на многолюдных демонстрациях широко прославлялись имена ударников, стахановцев, победителей социалистического соревнования. Изредка наиболее отличившимся передовикам вручались ключи от нового дома или легковой автомашины. Например, в 1934 году эмалировщица стахановка Г.Рудометова была награждена новым домом, а победители Всесоюзного социалистического соревнования малых мартенов Ф.К.Логийко, С.А.Журавлев, А.М.Домнин и Н.А.Провков - автомобилями «ГАЗ». Среди них сталеваром был только Провков, остальные - директор комбината, его заместитель по технике и начальник мартеновского цеха. Поощрения такими щедрыми подарками были нечастыми. Их можно пересчитать по пальцам. Основной массе вручались почетные грамоты, нагрудные значки, изредка путевки в дома отдыха и санатории, их имена «навечно» заносились во всевозможные Книги почета. Иногда поощрение выглядело в виде удостоверения, свидетельствующего о льготах, согласно которым передовик мог приобрести в специальном магазине продукты или предметы ширпотреба. Широко практиковалось вручение трудовым коллективам переходящих красных знамен.

Чем больше в историю уходили первые недели и месяцы социалистического соревнования, тем больше становилось парадности, помпезности и суеты при его организации и подведении итогов.

Освоение новой техники, усложнение производственных программ при хроническом дефиците квалифицированных управленцев и рабочих, а также рост детского населения требовали от городской власти ускоренного решения проблем общего образования. Во-первых, надо было посадить за парту всех детей, во-вторых, давать им качественные знания. Ежегодно в городе и районе не могли приступить к учебе по 400 – 500 детей, занятия в приспособленных школах проходили в три смены, не хватало учителей со специальным педагогическим образованием. Не во всех школах было электричество, отсутствовали столовые, раздевалки, спортивные залы, мастерские.

В первой половине 1930-х годов строить новые детские сады и школы было не на что и некому, потому что все финансовые средства и материально – технические ресурсы уходили на строительство жилья. В 1936\1937 учебном году в городе и на селе работали 52 школы. Из них больше половины были начальными сельскими. Во всех школах города и села обучалось 9887 детей. При этом к декабрю 1937 года в Лысьве насчитывалось 7625 человек полностью неграмотных.

Ситуация стала меняться в 1935 году. В поселке им. Ленина рядом с двумя бараками школы № 4 была построена двухэтажная каменная школа на 560 мест с порядковым номером 16. (В 1953 году 16-й номер получила новая школа, построенная на улице

Ленина, а бывшая школа № 16 стала школой № 4 после того, как бараки бывшей школы № 4 были снесены). В последующие годы одна за другой были введены в строй еще три школы: № 11 в 1937 г. на 640 учащихся, № 10 в 1938 г., № 15 в 1939 г. Накануне Великой Отечественной войны в городе работало 15 школ, в которых обучалось 8355 детей. В 40 школах сельской местности обучалось 3784 ребенка. По - прежнему в образовательных учреждениях не хватало квалифицированных учителей, прежде всего с высшим образованием.

В предвоенные годы большое место в жизни лысьвенцев занимал спорт. Самыми популярными видами спорта были: стрельба, легкая атлетика, лыжные гонки, конькобежный спорт, русский хоккей, футбол и волейбол, а также гребля и плавание. К услугам горожан был предоставлен стадион, водная станция, бесчисленные уличные спортплощадки. Самым многочисленным в Лысьве было добровольное спортивное общество «Металлург Востока». Именно оно проводило многотысячные городские соревнования, выставяло лысьвенские команды на областные соревнования (самыми престижными были соревнования на приз газеты «Звезда»), готовило претендентов на участие в республиканских и Всесоюзных соревнованиях. Кумирами лысьвенских мальчишек тех лет были чемпион СССР по лыжным гонкам на 30 км Т.Лебедев, чемпион Европы в беге на 100 метро, заслуженный мастер спорта СССР Н.Каракулов, неоднократные рекордсмены сестры Абраменковы, братья Халдины, П.Жигулев и десятки других юношей и девушек.

Огромное количество молодежи занималось в военно – спортивных кружках и секциях. Предвоенную подготовку юноши и девушки проходили в специально созданном для этой цели военно – спортивном лагере в районе дома отдыха «Сокол». После трудовой смены ребята строем шли в лагерь и там учились стрелять из винтовки и пулемета, изучали основы тактики, маскировки, связи и т.п. Лагерь существовал на собственные средства участников подготовительных сборов. Этой инициативой заинтересовался Уральский обком ВЛКСМ и рекомендовал её всем первичным комсомольским организациям области. Популярными были также военно – технические виды спорта, особенно, планерный и радиотехнический. Любители – планеристы сами строили планеры, сами учились летать на них. Развито было также авиамоделирование. Любила лысьвенская молодежь прыгать с парашютной вышки, установленной на площади севернее клуба имени КИМ (сейчас здесь находится здание городской администрации). Популярными были многодневные лыжные походы до Чусового, Верхних Чусовских городков, Екатеринбурга. Одной из ступенек при подготовке к службе в армии была сдача норм на спортивные значки БГТО (будь готов к труду и обороне) и ГТО (готов к труду и обороне), а также «Ворошиловский стрелок». В почете было отменное здоровье, выносливость и крепкие мускулы.

Несмотря на добросовестный труд, жили лысьвенцы очень скромно. Комнаты и дома обставлялись в основном самодельной мебелью: столами, комодами, табуретками. Спали на железных кроватях. Вместо пружин, сеток и паролоновых матрацев клали доски, а сверху – тюфяки, набитые сеном или соломой. Полы застилали домоткаными половиками. На стены вешали тряпичные коврики. Электрические лампочки (в тех районах, где было электричество) сверху прикрывали абажурами из эмалированного железа. Вещи хранили в деревянных сундуках, привезенных из деревни. Сундуки были расписаны всевозможными узорами. По ним можно было догадаться, из каких мест приехали в Лысьву их хозяева.

Водопроводов не было даже в многоквартирных домах. До начала 1930-х годов воду развозили на лошадях в бочках. Только в 1931 году была пробурена первая скважина и началось строительство водоводных сетей по улицам Быстрых и Худеньких. В 1933 – 1934 годах были порбурены еще две скважины. Водопроводы подводили в первую очередь к многоквартирному коммунальному жилью. Перед войной в городе было 22,5 км водопроводных линий.

«Частники» еще долгие десятилетия носили воду в ведрах на коромыслах из родников и «ключиков». Иногда за водой приходилось ходить очень далеко. Кое – кто рыл колодцы

на улицах или у себя в огородах. Как правило, колодцы были очень глубокими, а вода в них не слишком пригодной для питья. Обычно ее использовали для поливов огородов.

Женщины старались украсить свои жилища вязаными или вышитыми салфетками, шторками, занавесками, дорожками. При этом им приходилось ухищряться, чтобы добыть дефицитные нитки. Наиболее популярной была вышивка «гладью» и «крестиком».

Праздничная одежда или «на выход» была у немногих. В магазине одежду покупали редко. В основном женщины обшивали домашних сами, особенно детей. Когда надо было приобрести новый костюм или пальто, кое – кто пользовался услугами частных портных – у них было дешевле, чем в магазине. Среди портных были «нелегалы», т.е. те, кто не был зарегистрирован в финотделе исполкома и не платил налоги. Цены на шитье у них были ниже, но и попасть к ним было сложнее.

Среди партийных и хозяйственных руководителей был моден полувоенный стиль одежды, какой любили руководители страны. Это был френч с накладными карманами, галифе или шерстяные и полушерстяные брюки, заправленные в сапоги. Зимой носили шинели или пальто и полупальто на вате. Для служебных командировок пользовались овчинными тулупами и полушубками. На голову надевали шапку – ушанку или папаху. Женщины, партийные и советские функционеры, носили свободные блузы с отложным воротником и холщевые или полушерстяные юбки. Зимой женщины одевались в ватные пальто. Голову покрывали платками. Не редко, как мужчины, так и женщины в качестве верхней зимней одежды имели только телогрейку. В конце 1930-х годов среди лысьвенских модниц были популярны самодельные платья со свободным или косым лифом и юбкой – клеш. Их шили из хлопчатобумажной ткани или маркизета. Комсомолки и девушки ударницы любили щеголять в красных сатиновых косынках.

Молодежь предпочитала спортивный стиль одежды: шаровары, майку со шнуровкой на груди и тапочки. Зимой юноши носили полупальто и фуражки.

На фоне явных и мнимых успехов, демонстрируемых партийной пропагандой, анализ протоколов профсоюзных и партийных организаций показывает, что с повестки дня собраний, заседаний, совещаний не сходили вопросы трудовой дисциплины, прогулов, опозданий на работу, выпуска бракованной продукции, пьянства в быту и на производстве. Лодырей, прогульщиков, аварийщиков и бракоделов из всех сил критиковала стенная печать. С 1932 года за один только прогул можно было лишиться месячной карточки на «отоваривание» продуктами питания и ширпотребом. На фоне тотального дефицита отсутствие карточки больно било по благосостоянию рабочей семьи. Накрепко привязывали лысьвенцев к постоянному месту работы трудовые книжки, введенные в 1939 году.

В существование «врагов народа» лысьвенцы верили до тех пор, пока репрессии не обрушивались на них самих, членов семей или близких друзей. Но и в этих случаях они считали, что произошла страшная «ошибка», что «там наверху» разберутся. На всю страну прогремел «заговор» «Промпартии», сфабрикованный органами НКВД и ими же раскрытый в 1930 году. Филиалом «Промпартии» был «Уральский центр контрреволюционных инженерных организаций», во главе с бывшим управляющим лысьвенским горным округом В.А.Гассельблатом. В свое время он был одним из немногих инженеров, перешедших на сторону советской власти и бескорыстно ей служивший. В.А.Гассельблат восстанавливал уральские заводы после гражданской войны, работал в ВСНХ, строил Магнитогорский металлургический комбинат, где и был арестован в ноябре 1930 года. Гассельблата обвиняли во вредительстве, в подготовке уральских заводов для сдачи в концессию бывшим хозяевам, в связи с заграницей, конкретно с бывшим лысьвенским инженером Т.Фоссом (в Лысьве Фосса звали Федор Федорович), уехавшим после революции в США. 8 августа 1931 года суд приговорил В.А.Гассельблата к расстрелу, но этот приговор был заменен 10 годами лагерей, где талантливый инженер и умер в 1934 году. Вместе с В.А.Гассельблатом были арестованы инженеры Г.В.Рубенштейн, А.Ф.Тшаковский, М.А.Балакин, И.Н.Шуткин.

В декабре 1935 года в Свердловске судили группу из шести студентов Уральского политехнического института, среди которых были лысьвенцы В.Ладейщиков, А.Волков, И.Катаргин. Их «вина» заключалась в том, что они критически оценивали происходящее в стране события и, по утверждению сотрудников НКВД, «не признавали гениальности товарища Сталина». В результате – донос однокурсника Н.Князева в «органы», суд, обвинение в «террористических настроениях и антисоветской агитации» и почти 20 лет лагерей с последующей высылкой. В одном из концлагерей В.Ладейщиков встретился с бывшим главным редактором лысьвенской газеты «Искра» Б.Грязных. «Зека» подружились не только потому, что были земляками, а потому что искренне хотели разобраться в происходящих в стране событиях. Б.Грязных даже писал на бумажных мешках из-под цемента книгу под названием «Сталинский «социализм» в свете ленинизма». По словам В.Ладейщикова, его друг писал, что Сталин извратил ленинскую концепцию построения социализма, что развязал в стране кровавый террор ради упрочения своей власти. Непокорный журналист организовал в лагере подпольную группу сопротивления, которая действовала почти два года. И снова было предательство, новый суд и расстрел.

В 1937 году тогдашний комиссар госбезопасности Н.И.Ежов издал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Стартовым днем кровавой вакханалии был назначен пятый день августа. Однако задолго до судебного дня по Лысьве засновал «черный ворон» – милицеская машина, в которой доставляли арестованных в ежоские застенки. Первыми в жернова сталинской мясорубки попадали те, кто верой и правдой служил режиму. В июне 1937 года были арестованы председатель горисполкома М.П.Шейн и секретарь ГК ВКП (б) В.Н.Козлов, в июле – директор металлургического завода П.Я. Звайгзне и руководитель реконструкции завода Д.Я.Ремянников, а вслед за ними прокурор города И.Кукарских. 10 июля газета «Искра» поместила материал, в котором секретарь горкома В.Н.Козлов назывался «мерзавцем, развалившим партийно-массовую работу в цехах», в сентябре эта же газета писала, что «Козлов и его единомышленники умышленно не занимались баннм хозяйством». Вслед за П.Я.Звайгзне и Д.Я.Ремянниковым была арестована группа заводских специалистов, а дальше уже «брали» без разбора: рабочих Г.Я.Бадаева, И.И.Малиновского, П.М.Печонкина, И.П.Третьякова, инженерно – технических работников мастера мартеновского цеха П.А.Баусова, заместителя начальника цеха эмалированной посуды Я.А.Крапивина, начальника котельно – сварочного цеха А.М.Балдина и сотни других. Обвинение было стандартным: «Враг народа», «вредитель», «троцкист», «шпион». На основании данных заведующей городским архивом Ф.А.Треногиной по самой кровавой 58-й статье УК РСФСР в это период было подвергнуто репрессиям 464 лысьвенца.

Формулировки, с которыми людей бросали в застенки, были невероятно нелепыми с точки зрения здравого смысла. Например, бывшего «красного директора» И.Д.Лызова исключили из партии за то, что он ездил в командировку в США и встречался там с Ф.Ф.Фоссом; а путевого обходчика Я.И.Мехрякова осудили за три сломанных сверла и еще за то, что он сын старообрядческого священника, троцкист и антисоветчик; семнадцатилетнего студента металлургического техникума М.Гундарева приговорили к 10 годам лишения свободы за то, что в пьяном виде выжег на портрете горячей кочергой глаза Ленину. Донесла на студента техничка, член ВКП (б).

Немного было людей, кто так или иначе не имел отношение к репрессиям 1930-х годов. Р.А.Ермаков вспоминал случай, произошедший с его матерью: «Она была в Свердловске, шла по площади 1905 года и вдруг слышит свое имя: «Зина Шадрина, Зина Шадрина!» (фамилия девичья). Сначала ничего не могла понять, а потом увидел проезжающий «воронок» и из его малого решетчатого окошка машет чья – то кисть руки, но не слышно ни имени, ни фамилии вызывающего. «Воронок» уехал по улице Ленина в сторону Главпочтампа. Что делать? Пешком не догонишь. Какой-то прохожий ей сказал: «Это,

гражданка, кого-то повезли на расстрел». А кого?! Так до конца своей жизни она вспоминала этот случай и думала, что это был бывший их сосед Андрей Рожков, который был до войны репрессирован, а позднее посмертно реабилитирован... Он это был или не он, остается только догадываться».

Первый Почетный гражданин Лысьвы И.Н. Курзанов проработал председателем Лысьвенского горисполкома с 1956 по 1969 год. В начале 1930-х годов он учился в механико – металлургическом техникуме. В те годы случалось, что из-за топливного кризиса металлургический завод не работал по 1-2 месяца. Проблему не могли решить ни «переключки» предприятий, ни собрания, ни авралы. Рабочих направляли в лес на заготовку дров. Лесозаготовки становились делом политическим, поэтому находились под контролем РК ВКП(б) и горотдела НКВД. Зимой 1931 года по очередной разнарядке на двухнедельную заготовку были отправлены 2 группы студентов техникума. Рабочая смена в лесу начиналась затемно утром и кончалась затемно вечером. Ночевали лесозаготовители в холодных бараках и полуземлянках. Питались жидкой кашей и промерзшим хлебом. По возвращении в Лысьву ребята провели комсомольское собрание, на котором студенты Зубарев, Ухалин и Турбаков посетовали на плохое питание. Этого оказалось достаточно, чтобы все трое были обвинены в антипартийной пропаганде, а партбюро техникума было распущено на основании решения РК РКП(б). И.Н. Курзанов оказался в центре истории. Его, как председателя профкома, обвинили в поддержке трех смутьянов. В 1931 году «дело» замяли, но не забыли. В 1937 году о нем вспомнили вновь, но уже в другой редакции: антипартийная пропаганда и подпольная деятельность по подготовке антисоветской студенческой демонстрации в Лысьве. В это время Иван Николаевич работал заместителем директора металлургического завода по труду и кадрам. В ходе следствия «по делу» Курзанову задавали новые вопросы: «Почему не разглядел в директоре Звайгзне врага народа? Почему не сообщил о нем в органы НКВД?» и т.д. Много надо было духовной силы, чтобы не сломаться в то страшное время.

«Врагами народа», их называли «кулаками», были и крестьяне. Так, в колхозе им. К.Е. Ворошилова в разряд «врагов» попали самые сильные хозяева: М.Г. Мехряков, И.Д. Мехряков, И.А. Лязгин с сыном Григорием, А.Ф. Мехряков, Я.И. Мехряков, Т.И. Мехряков, Н.М. Мехряков, А.К. Сергеев, И.П. Черепанов. Ненависть Сталина и его подручных к крестьянам не знала границ. Уполномоченный в деревне Лязгино некто Рыбаков с наганом в руке требовал от крестьян сдать зерно, но в то же время растерянно докладывал в райком: «Да здесь на полях столько не выросло зерна, сколько велено сдать!»

Во внешних проявлениях жизнь лысьвенцев становилась «лучше и веселей». И действительно, строились новые школы, проводились спортивные соревнования, открывались кружки художественной самодеятельности, сдавалось новое жилье... Только почему – то мрачны и трагичны лица людей, запечатленных на фотографиях 1930-х годов в момент «единогласного» принятия решения о судьбе очередного «антисоветчика», почему – то ветераны, прежде чем начать рассказ о тех годах, тяжело вздыхают и надолго замолкают, почему – то на картах Лысьвенского района появлялись новые населенные пункты Вынырок, Ватолинский, Рябиново, Поныш и другие с непонятной подписью «поселение спецпереселенцев».

В последнее десятилетие краеведы стали восстанавливать страшные страницы истории жизни на лысьвенской земле тысяч спецпереселенцев из Белоруссии, Кубани, Ленинграда, Курска, Украины. Учащийся Кыновской школы № 65 А. Бочкарев писал в реферате о спецпоселке Вынырок и своих предках, оказавшихся в 1930 году в глухой лысьвенской тайге: «...От тяжелой работы, голода и невыносимых условий люди гибли, как мухи. Ежедневно похоронная бригада вывозила пять – шесть покойников, поэтому братские могилы не зарывались неделями. Упорно, добросовестно люди работали с утра до позднего вечера без выходных. Для своего хозяйства оставалась только ночь. Но люди не жаловались, да и кому было жаловаться? Комендант не пожалеет! Одна моя родственница

на минуту забежала домой в обеденный перерыв посмотреть на малых детей. За это ее посадили в карцер на трое суток. Вопрос о дисциплине в поселке не стоял. И не потому, что был комендант, а потому, что согнали сюда людей очень порядочных, трудолюбивых, сознательных. Для них работа была смыслом жизни».

Во второй половине 1930-х годов по Лысьве прокатилась волна шпиономании. В это время металлургический завод расширял выполнение заказов для наркомата обороны СССР. Однажды ночью из сейфа мартеновского цеха неизвестный выкрал технологические карты по изготовлению специальной стали. Вора не поймали, но немедленно был создан военизированный дивизион для охраны завода. По рассказам бывшего директора Народного музея Н.С.Столярова, комсомольцы решили проверить, насколько эффективно работала новая охрана. Свободные от работы комсомольцы получили перед ночной сменой чужие пропуски и по ним прошли на завод. Перед ними была поставлена цель: проникнуть в цеха, выполняющие военные заказы, по возможности выкрасть образцы специальной продукции и вынести их за пределы завода. Наутро рабочий стол секретаря ГК ВКП(б) И.Чернышева был завален снарядами заготовками, касками, патронными коробками, образцами броневой стали.

Для многих лысьвенцев начало Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов оказалось достаточно неожиданным. Еще зимой 1941 года городская газета «Искра» публиковала информацию о переговорах советского правительства с немцами, размещала на своих страницах фотографии совместных советско-германских военных парадов, немецких солдат, приготовившихся стрелять из зенитных орудий...

И все же к войне готовились. Под контролем партийного руководства города и области разворачивалось специальное производство. Накануне войны оно занимало 63% валовой продукции. В целом на нужды обороны предприятие направляло 80% своей продукции. В 1939 -1940 годах особое внимание уделялось работе снарядных цехов, цехов, изготавливающих стальные шлемы, взрыватели, респираторы, новые виды пороховой укупорки, авиабомбы и т.п. В целях конспирации каждый цех имел порядковый номер. В годы войны само предприятие было известно не как Лысьвенский металлургический завод имени газеты «Индустрия», а как завод № 700.

В первой половине 1941 года отшлифовывались и уточнялись организационные мероприятия и технологические процессы, проверялась техническая документация, ремонтировалось оборудование, хранящееся на складах, определялись запасы сырья, топлива, режущего и мерительного инструмента, потребности в рабочих кадрах, в пределах города определялись смежники, которые могли бы выполнять мелкие работы, требующие больших затрат рабочего времени. Иными словами, моделировалась ситуация работы в условиях военного времени. В соответствии с переходом предприятия на работу по мобилизационному плану основные мероприятия должны были завершиться 1 июля 1941 года. Специальная комиссия металлургического завода закончила последний, «чистовой», расчет мобплана 21 июня 1941 года в 23 часа. В течение следующих шести часов шла его защита перед военной комиссией, прибывшей из Москвы. В 5 часов утра 22 июня членов комиссии распустили по домам. В это время фашисты уже перешли советскую границу и бомбили наши города.

Для тысяч лысьвенцев, тружеников металлургического завода, режим военного времени начался с момента, когда на предприятии начал вводиться в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Помимо увеличения продолжительности рабочего дня и ликвидации выходных документ устанавливал обязательным к исполнению для всех рабочих сверхурочные работы в размере 3-х часов в каждую смену с оплатой по КЗОТу. Указ ВС СССР реализовывался в очень не простых условиях, среди которых главными были большая текучесть кадров и низкая трудовая дисциплина. За первое полугодие 1940 года на завод было принято 3899 человек, а уволено – 4832 человек. Прогулы работников по

неуважительным причинам составили 3191 случай, по уважительным - 8707 человекоднев. В цехах спецпроизводства за первое полугодие было привлечено к материальной ответственности 147 человек на сумму 11 000 рублей, за второе полугодие – 791 человек на сумму 20925 рублей. Не лучше обстояли дела и во второй половине года. Так, с 26 июня по 30 ноября было зафиксировано 612 прогулов, опоздали или ушли с работы до окончания смены – 340 человек, самовольно оставили предприятие – 230 человек, спали во время смены – 64 человека, отказались от работы - 51 человек, вышли на работу в пьяном виде – 51 человек. К нарушителям трудовой дисциплины применялись предельно жесткие меры не только материального характера. По итогам второго полугодия было рассмотрено в суде 1356 дел, по которым 312 человек были приговорены к лишению свободы, 933 человека привлечены к принудительным работам, приобщено к другим делам – 26 человек.

Реализация Указа «О переходе на 8-часовой рабочий день...» сопровождалась серьезным продовольственным кризисом. Не исключено, что в определенной степени он был вызван организационно – управленческими неурядицами в связи с делением осенью 1938 года Свердловской области на Пермскую и Свердловскую области. Во всяком случае, пермские товарищи жаловались в ЦК ВКП(б), что продовольственное снабжение свердловчан лучше. Во второй половине 1940 года рабочие лысьвенского металлургического завода направили коллективную жалобу в секретариат председателя СНК В.М.Молотова о неудовлетворительном состоянии торговли продовольственными и промышленными товарами. В ней, в частности, говорилось (Цит. по сопроводительному письму зам. начальника отдела торговли продтоварами НКТ СССР Бакалеева завоблторготделом Яговкину – Н.П.): «Хлеб и соль в торговой сети с перебоями. Очереди устанавливаются с 3 – 5 часов утра, хлопчатки, готового платья нет. Сахар возможно купить лишь раз в квартал, нет совершенно кондитерских изделий, такое же положение и с другими товарами». Ответ Яговкина был незамедлителен и короток: «...действительное положение с торговлей в Лысьве не соответствует информации. При личном моем посещении Лысьвы в последних числах декабря 1940 года в магазинах г.Лысьва все товары имелись: сахар, кондитерские изделия, масло животное, колбасные изделия, консервы, сельдь. Колбасные изделия, сельдь и консервы продавались без каких – либо отметок на заборных книжках». Ответу областного чиновника можно было бы поверить, если бы аналогичные просьбы об улучшении продовольственных поставок не раздавались из Чусовского металлургического завода, Пермского завода им. Сталина, Соликамского калийного комбината и других промышленных предприятий Западного Урала.

Вопрос о продовольственном снабжении рабочих центров Прикамья был настолько острым, что вышел на уровень секретарей ЦК ВКП (б) и руководителей народного комиссариата торговли СССР. В результате все города и рабочие поселки области стали переходить на так называемую «закрытую» торговлю. Она заключалась в том, что только для рабочих и заводских служащих создавалась закрытая сеть магазинов и столовых в системе местных торгов и трестов столовых. Пользоваться ими можно было по специальным «заборным книжкам», в которых были расписаны наименования и количество товаров, а также сроки их приобретения. В «закрытых» столовых рабочие брали дешевые обеды, состоявшие из постных супов по 60-70 коп., за порцию, каши и чая по 30-60 коп. Огромная армия лысьвенцев – учителя, врачи, служащие и другие – не имели и этого. Они пользовались «открытой» торговой сетью, в которую попадало всего 2-3% товаров, от выделяемых на город фондов. Как писал начальник отдела организации торговли Наркомторга СССР Бессарабов, «...учителя и медицинские работники...прикреплению к закрытой торговой сети не подлежат».

И все же, как ни выморачивало советское государство лысьвенцев, как ни морило голодом, как ни шельмовало лучших и честнейших из них, военное лихолетье горожане и сельчане встретили достойно. 22 июня 1941 года началась мобилизация резервистов в армию. В первые суматошные дни и недели на фронт отправляли всех запасников, не

глядя на их гражданские специальности. Создается впечатление, что о мобилизационном плане в эти дни попросту забыли. Так, в одночасье мартеновские, прокатные, механические, инструментальные цеха лишились специалистов, без которых производство стало немедленно лихорадить. При этом срочно требовалось перестраивать многие производственные процессы на выпуск военной продукции с тенденцией увеличения выпуска ее объемов. Отправке на фронт нужных заводу специалистов конец положила московская комиссия, приехавшая в Лысьву для оказания помощи в перестройке производства на выпуск военной продукции. На основании распоряжения председателя комиссии в пропусках рабочих, которым было отказано в отправке на фронт, по диагонали проходила жирная красная полоса. В народе ее звали «броня», «бронь».

Резкий рост объемов военного производства, освоение новых видов продукции – все это потребовало значительно увеличить количество рабочей силы во всех цехах. На завод стали принимать стариков, женщин-домохозяек, подростков. Профессии, исконно считавшиеся мужскими, стали осваивать женщины. Конторские работники переходили на рабочие места. За счет подростков, эвакуированных из западных областей страны и мобилизованных из коми-пермяцкого округа, увеличилось количество ремесленных училищ (РУ) и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). Кадровые рабочие – пенсионеры назначались на должности бригадиров и мастеров. На подсобных работах в заводских цехах по 3-4 часа работали школьники.

Все цеха, кроме «горячих» - мартеновского, жестепрокатных - перешли на 12-часовой рабочий день. «Выходным» считался день, когда после семидневной работы в первую смену с 8 до 20 часов человек приступал к работе в понедельник с 20 часов и трудился до 8 часов утра вторника. За опоздания на работу, а тем более прогулы, работники строго наказывались. Мера наказания зависела от проступка. В одних случаях помещали сатирический рисунок в стенной газете, в других уменьшали хлебный паек на 200 граммов (всего на день полагалось по продуктовой карточке от 700 до 1000 граммов), в случае опоздания на 20 минут сажали в тюрьму на четыре месяца.

Особенно трудно было подросткам, оказавшимся в Лысьве без родителей. Ветерана ремонтно - механического цеха ЛМЗ С.Федосеева привезли из коми-пермяцкого села Пуксиб в возрасте 13 лет и устроили в школу ФЗО по мобилизационным спискам. По закону такому подростку не должно быть меньше 14 лет. Вероятно, какой – то чиновник, выполняя разнарядку, за мзду или от излишнего рвения, дописал мальчику в справку о возрасте лишний год. О жизни талантливого художника Л.Пайю в те годы вспоминала А.И.Ковина: «...вижу, на переделе сварки сидит мальчик: черный, грязный, и рисует на доске...да так чётко и изумительно похоже...Галя (работница - Н.П.) рассказала, что живет он в общежитии, но туда не ходит-ночует в цехе в ящике. В общежитии его ребята обижают».

Подростки работали наравне со взрослыми. Еды им не хватало, а то что было, распределить на день, а тем более на неделю, не умели. Нередко они теряли или проигрывали в карты продуктовые карточки и деньги. Случалось, что и то и другое попросту отбирали более сильные товарищи. Чтобы избежать этого, мастерам и бригадирам приходилось хранить талоны и деньги у себя, а потом выдавать их по мере надобности. В механических цехах, где подростков было особенно много, некоторые из них во время обеденного перерыва забирались в короба, по которым проходили трансмиссии, и там засыпали. Сонными они гибли. Их затыгивали проходящие в движение ременные передачи, когда ничего не подозревающие рабочие включали станки. Были случаи, когда после смены выйдя за ворота завода, подростки присаживались отдохнуть на кучи теплого шлака и, заснув, задохались от угарного газа.

Самым страшным бедствием как для подростков, так и для взрослых был голод. Чтобы хоть как – то восполнить недостаток продовольствия, во второе военное лето 1942 года лысьвенцы стали разбивать огороды прямо на улицах города. Учреждения и организации приступили к созданию подсобных хозяйств. В основном в них выращивали свиней и

овощи. Передовики производства за ударную работу получали дополнительные «стахановские бирки», на которые можно было съесть в рабочей столовой супчик, заправленный капустой и брюквой и сдобренный каплей хлопкового масла, или жиденькую кашу.

Одновременно с перестройкой производства на военный лад приходилось решать труднейшие вопросы быта. В Лысьву хлынул поток эвакуированных, с фронта стали прибывать эшелоны раненых. Всем им надо было представить жилье, накормить, лечить, учить в школах. Детей, оставшихся без родителей, размещали в детских домах Лысьвы и Кына, некоторых брали в свои семьи лысьвенцы. С наступлением осени выяснилось, что многие из приехавших не имели теплой одежды и обуви. Для них собирали одежду, а производство «обуви» наладили местные умельцы. Они вытачивали из древесины подошву, а верхнюю часть изготавливали из тряпок или транспортной ленты. Наличие теплой одежды и обуви было очень важно, потому что цеха практически не отапливались и зимой в них было очень холодно.

Среди вновь прибывших в Лысьву были и так называемые «трудоармейцы». Часто это были советские граждане немецкой национальности. Некоторые из них проходили срочную службу в рядах Красной Армии и принимали участие в кровопролитных боях первых месяцев войны, некоторые были выдернуты из родных мест и сосланы на Урал, но в Лысьве их объединила одна судьба полужаключенных или полупленных. Немцы жили в бараках поселка имени С.Орджоникидзе, обнесенных колючей проволокой. На заводские работы их старались не допускать, поэтому в большинстве своем немцы трудились на стройках, лесоповале, погрузочно-разгрузочных работах. В первые месяцы войны отношение к немцам было достаточно напряженным. Слово «немец» для многих ассоциировалось со словом «фашист», но прошло время и лысьвенцы убедились, что бок о бок с ними живут и работают честные, работающие люди, также как и они ненавидящие фашизм. После войны немало немцев женились на русских женщинах и осели в Лысьве. Многие из них брали фамилии своих русских жен.

Раненых бойцов и командиров поначалу размещали в медицинских учреждениях, но поток их был так велик, что вскоре под госпитали стали отводить школы, дворец культуры металлургов, дом отдыха «Сокол». Всего госпиталей было 7. В июне 1941 года 30 молодых учительниц поступили на курсы медицинских сестер и после их окончания приступили к работе в местных госпиталях. Позднее многие из них были мобилизованы в армию и до конца войны служили в прифронтовых госпиталях. Сотни медицинских сестер для фронта подготовила лысьвенская двухгодичная школа медсестер, открытая в 1937 году. Подобно тому, что учащиеся РУ и школ ФЗО обучаясь, проходили практику в заводских цехах, точно также учащиеся медшколы проходили практику в госпиталях и больницах города. Помимо исполнения чисто медицинских функций совместно с заводскими и школьными комсомолками они ухаживали за тяжело ранеными, следили за чистотой в палатах, готовили концерты художественной самодеятельности для выздоравливающих.

Невероятные трудности преодолели лысьвенцы в годы войны: и голод, и холод, и преждевременные смерти, и страшные известия с фронта о гибели родных и близких людей, но выстояли, внесли в великую победу и свой весомый вклад. Нехватки были во всем, однако фронту отдавали последнее. Например, около 20 миллионов рублей было собрано на строительство танковой колонны «Уральский комсомолец». Первыми сбор денег начала рабочая и учащаяся молодежь во главе с комсомольцами. В первые месяцы войны лысьвенцы собрали и передали на фронт свыше 11 тысяч теплых вещей и 4125 вещей передали детям прифронтовых районов. Добровольный сбор денег на приобретение вооружений для Красной Армии (без госзаказов) носил систематический характер на протяжении всех военных лет.

Почти вся продукция, выпускаемая металлургическим заводом, предназначалась для удовлетворения потребностей фронта. Велика была номенклатура изделий. Это были 50-

килограммовые зажигательные и фугасные авиабомбы, 37-мм артиллерийские снаряды, стальные нагрудники «СН-42» для штурмовых отрядов, противогазы, солдатские стальные шлемы (каска) – «СШ-40», армейские котелки, взрыватели к минам, в том числе для легендарных реактивных установок «Катюша» и т.д. Количество изделий исчислялось миллионами. Например, противогазов было изготовлено более 18 млн. штук, солдатских котелков – 14 млн. штук, стальных шлемов – 10 млн. штук.

Вечным символом вклада лысьвенцев в Великую Победу стала солдатская каска. Этот совместный труд конструкторов, технологов, сталеваров, лаборантов, прокатчиков, штамповщиков, термистов, испытателей позволил создать защитный шлем, равных которому в годы войны не было ни в одной армии мира. Вот один маленький эпизод, характеризующий то, как создавалась каска. После тяжелого трудового дня группа конструкторов в составе Е.А.Ширинкина, А.И.Филина, П.Г.Ромашова, разрабатывающих модель солдатского стального шлема, собиралась в доме 17 по улице Балахнина. В то время как жена Ромашова Серафима Федоровна варила клейстер, мужчины нарезали из старых газет неширокие полоски. Потом кто-то из конструкторов сел на табуретку посередине комнаты, после чего его коллеги намазывали ему голову клейстером и тщательно наклеивали полоски бумаги, моделируя тем самым будущую форму каски. Так родилась идея «рикошета», согласно которой геометрия каски должна была быть такой, что любая пуля или осколок, коснувшись сферической поверхности в любой точке, уподоблялись прямой линии коснувшейся окружности. Metallурги разработали для каски сталь, которая при ударе пули или осколка играла роль амортизатора, что значительно усиливало защитные функции каски.

Группа специалистов металлургического завода в составе А.И.Кривилева, А.Я.Пашеквича, Г.Я.Устинова, А.И.Филина, И.П.Ястребова в 1943 году была удостоена звания лауреатов Сталинской премии за освоение выплавки специальной стали и совершенствование технологических процессов. В июле 1942 года металлургический завод был награжден орденом Ленина, а в сентябре 1945 года – орденом Отечественной Войны 1 степени.

В военные годы прошла заводская юность Героев социалистического труда Дмитрия Обыденнова и Владимира Павленко.

Десять Героев Советского Союза воспитал Родине маленький уральский городок. Это Геннадий Вашляев, Евгений Иванов, Ахмедулла Ишмухаметов, Василий Макаров, Арсений Нечаев, Александр Оборин, Николай Сергеев, Василий Щипанов, Павел Цылев. Полными кавалерами солдатского ордена Славы стали Николай Балабанов и Петр Стародумов. В память о них и лысьвенцах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, 7 мая 1967 года благодарные горожане воздвигли мемориал, в центре которого установлен памятник работы скульптора А.Уральского. 6 мая 1972 года у подножья памятника зажжен Вечный огонь.

Еще шла война, а лысьвенцы уже получили госзаказы на выпуск мирной продукции. В первую очередь в огромных объемах требовалась оцинкованная и эмалированная посуда и кровельное железо. Один за другим стали сворачивать свою работу цеха, производящие снаряды, каски, котелки, броневетровые нагрудники. Однако перестройка производства на мирные рельсы шла с трудом. Люди, долгие четыре года работавшие без отпусков и выходных, голодные, постоянно находящиеся в стрессовом состоянии за жизнь родных и близких на фронте, от страха проспать и опоздать на работу, потерять хлебную карточку, очень устали. Резко снизилась производительность труда. Чтобы изменить ситуацию, одних угроз, понуканий и призывов идеологических работников было уже мало. Заменить их повышением зарплаты или иными материальными благами было не из чего. Тогда на Лысьву обрушился дождь правительственных наград. Например, в 1949 году только орденом Ленина (высшей наградой в СССР – Н.П.) было награждено 139 человек, в 1950 году – 42, в 1951 году – 120, в 1952 году – 51, в 1953 году – 10, в 1954 году – 12 человек. Сотни человек были награждены другими орденами и медалями советского государства.

За годы невероятных военных испытаний не очерствела душа лысьвенцев. По-прежнему они были сострадательны и милосердны. Как могли, помогали жителям разрушенных войной районов страны, воспитывали сирот, чьи родители погибли в боях, от болезней и голода. Как и в годы Первой мировой войны, в Лысьве были пленные немцы. Они жили в специальных бараках, построенных в полях около зольного отвала. По утрам пленных гоняли по льду Травянского пруда на работу в город. Голодные, обутые в соломенные бахилы, с матерчатыми повязками на лицах, чтобы не обморозиться, они представляли собой жалкое зрелище. Охрана пленных была чисто символической, и они пользовались этим. Однажды трое пленных подошли к дому 3 по улице Кузмина, в котором проживала З.И.Ермакова. Жестами они попросили у хозяйки дать им немного овощей. Ни слова не говоря, женщина спустилась в голбец, наполнила солдатский котелок и пилотки картошкой и отдала пленным. В то время, пока ее не было, один из немцев гладил по голове хозяйского сына и пытался объяснить, что дома в Германии у него остались трое сыновей.

Знаковым событием в жизни лысьвенцев и Лысьвы стал 1948 год. 21 июля Совет Министров СССР принял постановление «О строительстве турбогенераторного завода Минэнергопромышленности в гор.Лысьва». На северо – восточной окраине города на площади в 21 гектар закипело строительство нового турбогенераторного завода, или «турбинки», как звали его лысьвенцы. (Хотя, по сути дела, это было не начало строительства, а продолжение довоенного строительства, прерванного войной.) Хронически не хватало людей. Вместо 500 на стройке работало 80 человек. Рабочих вербовали в западных районах страны, но, приехав в Лысьву, многие возвращались обратно, т.к. для них не было жилья, а заработная плата была слишком низкой. Не хватало механизмов, стройматериалов, техники. Та землеройная техника, что имелась в наличии, была маломощной, поэтому всю вертикальную планировку строительной площадки люди выполняли вручную с помощью лопат, кирок, перфораторов и отбойных молотков. Для рыхления грунта было создано семь бригад. Бетон при бетонировании фундаментов таскали на носилках, а трамбовали ногами. Вручную выполнялись практически все погрузочно – разгрузочные работы. И все же завод строился. По плану численность рабочих нового предприятия составляла 2663 человека и 353 инженерно – технических работника. Одновременно с заводом строили жилье на улицах Орджоникидзе, Невского, Багратиона, Кутузова, Сталина (Мира). Уже в ближайшие годы электромашиностроители должны были получить 30 тыс. кв. метров жилья. В перспективе было строительство ремесленного училища и заводской больницы. 1 августа 1953 года новое предприятие выпустило первую электрическую машину.

В 1940 – 1950—е годы лысьвенцы старались наверстать то, что отняла война: строили жилье и школы, разрабатывали вокруг города картофельные участки, а позднее – коллективные сады, воспитывали детей. Рождаемость пошла резко вверх, увеличился естественный прирост населения. Это позволило местным властям делать смелые прогнозы относительно увеличения численности населения города. Вынашивались планы реконструкции металлургического завода и чулочной – перчаточной фабрики, продолжалось строительство турбогенераторного завода. Все радовались отмене карточной системы в 1947 году, уменьшению государственных займов, снижению цен на товары первой необходимости, незначительному, но все же повышению заработной платы. Вновь появилась потребность в занятиях спортом и художественной самодеятельностью.

Развенчание культа личности Сталина прошло для лысьвенцев в виде закрытых партийных собраний, обсуждения газетных материалов и кухонных пересудов. В одну ночь с городских улиц исчезли бюсты и памятники «вождю всех времен и народов». В нынешнем свято-троицком сквере бюст сдернули с пьедестала при помощи проезжавшего мимо грузовика. На нем же отвезли его к пруду и утопили в районе бассейна. История напомнила ситуацию с разрушением памятника графу П.П.Шувалову, когда под крики и

улюлюкивание толпы его сдергивали с постамента десятков лошадей. Разница была только в том, что бюст Сталина убрали тайно и ночью.

Постепенно лысьвенцы приводили в порядок город, крайне запущенный за годы войны. В 1950 году впервые в истории Лысьвы были выделены значительные целевые средства на строительство очистных сооружений, прокладку канализационных сетей, озеленение улиц, приобретение уборочной техники. Однако экологической культурой не владели ни горожане, ни руководители города. Поэтому выделенные средства не осваивались, экологические мероприятия носили характер кратковременных кампаний. По-прежнему воздушное пространство города оставалось очень загазованным, а река Лысьва ниже металлургического завода напоминала сточную канаву. В 1957 – 1959 году были предприняты попытки придать благоустройству города системный характер.

В соответствии с развернутым планом в 1957 году предполагалось разбить сквер на улице Чапаева, питомник на улице Аптекарской, сквер на Больничном городке, озеленить улицы Сталина (Мира) и Смышляева. Еще более грандиозным был план 1959 года. Он ставил своей целью превратить Лысьву в город – сад. В реализации задуманного должны были принять участие все промышленные предприятия и организации, а также учебные заведения. В свойственной советскому времени манере план не подтверждался ни сметами расходов, ни архитектурно – планировочными проектами, ни систематическим контролем за их выполнением. В результате руководители промышленных предприятий, на чьи плечи были возложены основные работы и затраты, отдавали распоряжения жилищно - коммунальным службам вместо дорогостоящих саженцев липы, ели, сосны, лиственницы высаживать тополя. Однако были и исключения. Жители поселка Первомайский, учащиеся школы № 5 разбили сквер, в котором посадили березы, липы, канадские клены, сирень. Активную роль в проделанных работах сыграли активисты общества охраны природы Н.М.Белодед и И.И.Поносов. Этот сквер одно время назывался «новым городским парком», настолько он был популярен у местной молодежи. Относительно неплохо сохранились посадки у дворца культуры ЛМЗ, на Больничном городке, на речке Гусиновке. В первые 10-15 лет молодые тополиные посадки действительно создавали впечатление, что Лысьва – это очень зеленый город. Однако, достигнув зрелого возраста, деревья превратились в кошмар для многих горожан: тополиный пух не только замусоривал город, но и являлся пожароопасным источником, тополиные ветки ломались от ветра и снега и представляли реальную угрозу для жизни и здоровья жителей. Тополя, растущие посередине улицы Мира, неоднократно создавали аварийные ситуации для мотоциклистов и шоферов. В начале 2000-х годов потребовалось немало сил и средств, чтобы убрать старые насаждения и более осмысленно приступить к новому озеленению. Эта работа проходила под руководством страстного природолюбца, мастера по озеленению Г.П.Суслова.

Добрую память оставили о себе комсомольцы и школьники 1960 – 1970-х годов, разбившие березовый сквер между поселками «Южный» и «Комсомольский», и сквер имени Павки Корчагина возле школы № 17.

В послевоенные десятилетия городские окраины активно застраивались индивидуальным жильем. Только на Катаевом Угоре за 1946 – 1950 годы отдел капитального строительства металлургического завода выстроил 266 одно- и двухквартирных домов. Новый поселок называли Первомайским.

Часто в роли застройщиков выступали вернувшиеся с войны солдаты, а также те молодые лысьвенцы из числа эвакуированных в годы войны, которым не к кому было возвращаться на исторической родине и кто навсегда решил остаться в Лысьве. «Усадьбы» площадью по 4 -5 соток нарезались в поселках Южный, Калининский, на Карпатах, в Заболотной. Дома в подавляющем большинстве строили из круглых бревен. Их можно было приобрести в Лысьвенском леспромхозе, который имел сплавную пристань на городском пруду и лесные делянки в 20 – 25 километрах от города. Новоселы самостоятельно вылавливали бревна из прудовой воды или валили лес на отведенных

делянках. Часть «кругляка» отвозили на заводскую лесопилку и распускали его на доски. Большие трудности были связаны с вывозкой заготовленных материалов из – за недостатка автотранспорта. Практически вся работа выполнялась своими руками после трудового дня на заводах. Для строительства приходилось брать денежные ссуды, тем более что за денежную плату приходилось нанимать специалистов – строителей. Например, плотников приглашали на рубки углов в срубах. Им же заказывали изготовление оконных и дверных косяков и рам. Невероятной проблемой было обеспечить новостройку цементом, краской, шифером или кровельным железом для крыши дома, а также кирпичом для кладки печей. Чтобы заполучить все это, надо было выстаивать огромные очереди у чиновничьих кабинетов. Полегче было строить новые дома жителям Ждановского поселка. Здесь дома из кирпича и шлакоблоков возводил для своих рабочих металлургический завод, поэтому проще было получить ссуду, строительные материалы и даже технику.

Горкомхоз и водоканал прокладывали по центральным улицам новых поселков водопроводные сети. За водой ходили к водоразборным колонкам, установленным на магистральных водопроводах. Непосредственно в дома частного сектора водопроводы стали прокладывать только 1970-е годы.

Внутри дома разделяли стенами из деревянных досок – заборками. В результате получалась небольшая кухня и 2-3 маленькие комнаты. Отопление было дровяным. Топливо заготавливали самостоятельно в лесу или изредка покупали в специальной организации «Гортоп». Заготавливать дрова своими силами было несколько дешевле. Внутренне убранство комнат было достаточно скромным. Мебель в большинстве случаев была изготовлена городскими столярами, потому что купить что – либо в магазине было очень сложно, почти невозможно. Хозяйки, как могли, украшали комнаты домоткаными половиками, вышитыми или строчеными дорожками, салфетками и т.п. В большинстве домов были установлены радиопродукторы.

Трудолюбивые дети войны, многие рожденные в вятских и пермских деревнях, лысьвенцы не особенно надеялись на то, что их прокормит советское государство. Почти все пристраивали к новым домам ограды, хлева, стойки, в которых разводили свиней, коров, коз, птицу. До конца 1950-х годов скот держали даже жители коммунальных каменных домов по улице Ленина. Они строили для коров и свиней деревянные сараи. На окраинах города кое – кто содержал лошадей. В основном это были татары. Имели лошадей и несколько животноводческих товариществ, расположенных в разных концах Лысьвы. Товарищества помогали горожанам решать вопросы обеспечения сенокосными угодьями, организовывали обустройство выгонов для скота, вывозить сено, приобретать корма, племенной скот, организовывали лечение и учет скота. Они же осуществляли сбор продналога в виде молока, животного масла, яиц и т.п. По данным одного только Травянского товарищества на 1 января 1959 года его члены имели в личном пользовании около 5000 голов крупного рогатого скота.

В связи с реализацией хрущевских экспериментов в сельском хозяйстве страны за каких – то 5 – 7 лет поголовье скота в Лысьве резко снизилось. Горожанам стало труднее приобретать корма. Появились затруднения с вывозкой сена, поскольку владельцы лошадей стали отказываться от их содержания из – за больших налогов. В первой половине 1960-х годов начались перебои со снабжением населения хлебом, который вместе с картофелем являлся основным кормом для домашних животных и птицы. Чтобы горожане не скармливали хлеб скоту, уполномоченные горисполкома, иногда в сопровождении участковых милиционеров, иногда без них, ходили с проверкой по личным подворьям. Привычными стали очереди за хлебом. Нередко люди выстаивали в очередях целыми ночами в составе всей семьи, потому что одному покупателю выдавались только две буханки. По статистическим данным на 1 января 1967 года поголовье скота в личных хозяйствах населения города и района резко сократилось и

составляло: 3400 коров, 2200 свиней, 3200 овец. Больше скота, чем в Лысьве, в Пермской области было только в Чусовом и Чайковском.

По официальным данным суточное потребление мясопродуктов, молока, яиц и хлеба лысьвенцами выглядело следующим образом:

Год	Потребление в граммах за сутки			
	мясопродукты	Молоко	яйца (штук)	хлеб
1960	82	156	0,13	523
1965	83	241	0,13	495
1970	112	370	0,2	487

Почти все, за редким исключением, горожане выращивали картофель на пригородных участках. Их совокупная площадь была огромной. Собранный урожай хранили в овощных ямах, беспорядочно разбросанным по городским пустырям. Со стороны они выглядели как земляные холмики с деревянной дверью, запертой на маленький висячий замок.

В 1930 -1950-е годы незначительное количество плодово-ягодной продукции на стол горожанам поставляли пригородные совхозы и сельхозучастки горкомхоза. Они располагались в Заимке, Паньше, Липовой, а у горкомхоза даже был свой сад в восточной оконечности улицы Металлистов. Как правило, собирать урожай приглашали горожан. Расчет был или деньгами, или половину собранного отдавали сборщикам. Сборщики предпочитали не связываться с бесконечными хождениями по конторам, чтобы получить заработанные деньги, и с ними рассчитывались половиной собранной ими продукции.

В последующие два десятилетия, 1950-е - 1960-е годы, город пережил бум создания коллективных («мичуринских») садов. Чтобы не обременять граждан дальней дорогой, земельные участки нарезали едва ли не в городской черте. Например, сад № 4 разбили на площадях бывшего подсобного хозяйства торгова и треста столовых. Позднее под сады стали отводить леса, относящиеся к «зеленой зоне» города. Коллективные сады практически обеспечили лысьвенцев овощами и ягодами, а заодно и решили проблему организации досуга. В то же время садоводы бесконтрольно вырубали лес, особенно припевающие молодняки. Экологическим бедствием пригородных лесов стал бытовой и растительный мусор, десятками лет копившийся вокруг садов.

Постепенно менялся внешний облик города, особенно в его центральной части. Взамен старых деревянных домов дореволюционной постройки возводились 4-5 этажные дома. За 1957 – 1962 годы в Лысьве было построено 91 тысяча квадратных метров жилья, в том числе 44 тыс. кв. м. – индивидуальными застройщиками. В эти годы в архитектурных ансамблях центральных улиц Ленина и Сталина (Мира) преобладал так называемый «сталинский» стиль. Такие дома помимо их прямого предназначения решали также идеологическую функцию – указывали на незыблемый и фундаментальный характер сталинского режима, демонстрирующего заботу об удобстве и культуре граждан. Поэтому фасады зданий имели тщательную проработку архитектурных деталей, а в просторных квартирах были большие окна и высокие потолки.

К сожалению, таких домов было построено слишком мало. В 1960-1980-е годы на смену «сталинскому» пришел «хрущевский» архитектурный стиль. Суть его была простой: за предельно короткий срок обеспечить жильем максимальное количество граждан при условии минимизированных затрат на финансирование и строительство. Новые многоквартирные дома стали возводиться на улицах Гайдара, Фестивальная, Кузьмина, Металлистов. Для решения такой грандиозной задачи в городе не было соответствующей строительной базы, не хватало специалистов. В срочном порядке было создано несколько строительно – монтажных управлений, в том числе усиливались строительные организации при заводах, сориентированные на возведение жилых домов. С целью привлечения рабочей силы в стройуправления в городе были развернуты две спецкомендатуры при ОВД. В них разместились несколько сотен «условно

освобожденных» заключенных. Их в городе звали «химиками» - так называли им подобных «строителей» на возведении объектов химической промышленности в Соликамске и Березниках. Для работы в заводских строительных организациях, занимающихся возведением жилья, привлекали рабочих, но не всех, а тех, кто ближе всех стоял в огромной очереди на получение квартиры. Что получилось из такого подхода к решению жилищной проблемы – видно воочию: серые унылые пятиэтажные бетонные коробки заполнили город. Внутри квартир новоселы получили кривые стены с отклеивающимися обоями, скрипящие полы, собранные из сырого материала, не закрывающиеся окна, дверные полотна, набранные из деревянных реек и прикрытых теплоплотой. Но, как бы то ни было, лысьвенцы радовались и такому жилью, правда, при этом шутили: «Ванную и туалет строители соединили, хорошо что не успели соединить пол и потолок». Это был намек на низкие потолки, немыслимо маленькие кухни, узкие лестничные пролеты в «хрущевских» новостройках или «хрущобах». По свидетельству ветерана ОКСа ЛМЗ Н.А.Прейса, за 1946 – 1980 годы только для металлургов было построено силами подрядных организаций 176917 кв.м. жилья, хозяйственным способом – 80817 кв. м. При этом около 10% площадей выделялось учителям, врачам, работникам культуры, ОВД и др.

Одновременно со строительством жилья исполком лысьвенского горсовета активно занимался улучшением условий для обучения и воспитания детского населения города. За короткий срок была построена новая детская больница, дворец пионеров и школьников, плавательный бассейн, 13 школ и 13 детских садов, к 6 старым школам сделаны капитальные пристрои. Не обошлось и без просчетов. Три большие школы № 5, 17, 18 были выстроены в районах индивидуальной застройки. В 1950 – 1960-е годы школы были заполнены детьми в соответствии с плановой наполняемостью. В то же время в центре города не было построено ни одной новой школы, тогда как в 1970- 1980-е годы здесь шло активное строительство многоквартирных домов. В результате началась миграция репродуктивного населения из городских окраин в центр. Окраинные школы опустели, центральные – переполнились учащимися.

Много школ строилось на селе. Заказчиками и строителями выступали леспромхозы, поэтому в основном школьные здания строили из деревянного бруса. Так было быстрее и дешевле. Добротные типовые школы из камня строили в центральных усадьбах. Проблема заключалась в том, что лесосырьевая база к 1980 годам стала оскудевать, начали снижаться заработки, что привело к оттоку трудоспособного населения и сокращению числа обучающихся. Кроме того, деревянные школьные здания быстро обветшали. Но как бы то ни было, сельские школы поселков Кормовище и Ломовка, станции Кын, сел Завод Кын и Новорождественское давали знания ничуть не хуже городских школ № 2, 3, 11, 16, 18. Гордостью народного образования Лысьвы были Н.А.Мясникова, К.С.Лисина, А.Ф.Ожегова, В.Я.Усольцев, А.Ф.Хмельяр, М.А.Козлов, Е.Г.Прошкина, П.П.Мехрякова, С.А.Золотов, В.П.Пищальников, М.К.Шатрова, Х.Г.Гайсин, С.М.Резников, И.Ф.Двинских, З.А.Соснина, В.С.Зеленко, Л.В.Полушкина, Н.И.Широглазова, И.И.Подавылов, И.А.Александров, В.Б.Качин и многие другие.

Разнообразной была культурная жизнь Лысьвы в 1960 – 1980 годы. С утра до вечера работали дворцы культуры металлургов и электромашиностроителей, клуб «Октябрь», построенный в 1963 году, кинотеатры «Родина», «Комсомолец» и «Экран», драматический театр, спортивный клуб «Лысьва» с его великолепным горнолыжным комплексом и реконструированным стадионом. Для детей был выстроен новый дворец пионеров, по инициативе известного композитора Д.Б.Кабалевского - детская музыкальная школа, станции юных техников и натуралистов, детская (юношеская) спортивная школа, работали клубы по месту жительства. На всю область гремел районный Дом культуры села Кын-завод. Особенно славен был его Народный театр, являвшийся своеобразным «окном» в мир драматического искусства для жителей сел и деревень Лысьвенского и Березовского районов.

Настоящими подвижниками самодеятельного художественного творчества были М. Березов, В.Соломин, А.Бурдин, М.Волков, Ю. Дружинин, Ю.Жарин. Под их руководством на самодеятельной сцене ставились спектакли русских, советских и зарубежных авторов, устраивались грандиозные представления с привлечением сотен участников в дни советских праздников, городские и районные смотры художественной самодеятельности, гастроли по городам и селам Пермской области, КВНы, другие культурные мероприятия.

Гордостью Лысьвы и лысьвенцев являлся драматический театр, открытый в 1944 году. Во все годы многоплановым и чрезвычайно интересным был репертуар театра. У него сложился свой круг почитателей и поклонников. На подмостках этого прекрасного учреждения культуры блистали такие мастера сцены как з.а.РСФСР К.Маркина, А.Миронов, Г.Дубровина, С.Хлюпин, Л.Арбитман, А.Краева, К.Савина, Л.Седов и многие другие. В 2000 году драматическому театру было присвоено имя талантливого режиссера и художественного руководителя А.А.Савина.

Новое дыхание получило здравоохранение. Улучшение медицинского обслуживания населения произошло прежде всего за счет укрепления материальной и кадровой базы. За два десятка лет была построена поликлиника турбогенераторного завода, больницы металлургического завода, новый роддом, детская больница, тубдиспансер, светолечебница, женская консультация. Наивысшего уровня достигла организация загородного отдыха и лечения лысьвенцев. Были введены в строй профилактории ТГЗ «Березка» и ЛМЗ «Зорька», детские пионерские лагеря «Уральский Артек», «Березка», «Ручеек», «Буревестник», спортивный лагерь «Юность». Долгие годы высококачественное лысьвенское здравоохранение формировали такие профессионалы, как Г.М.Зязин, П.Н.Кошурников, З.П.Черепанов, Г.П.Липкина, Л.И.Вяткина, Б.В.Королев, В.А.Кислицын, Н.С.Ковин, Б.В.Бурцев, Е.В.Сушина, Н.М.Лесникова, Г.И.Романов, С.И.Александров, Л.И.Зыкова и многие другие.

С испокон веков благополучие лысьвенцев зависело от металлургического завода. Для подавляющего большинства населения он был кормильцем и поильцем. Но предприятие старело, ветшало оборудование. Как следствие этого, было много тяжелого физического труда, высокой была себестоимость продукции, а значит низкой заработная плата работников. 5 марта 1965 года случилось небывалое для Лысьвы событие – прокатчики листопрокатного цеха - 2 (ЛПЦ № 2) устроили сидячую забастовку. Спустя много лет корреспондент газеты «За передовую металлургию» А.В.Башарин в заметке «Забастовка советских прокатчиков» опубликовал воспоминания одного из участников тех событий вальцовщика А.Г.Боровкова: «Условия труда были действительно жуткие. Я не хвальнось, но далеко не все выдерживали... В цехе жара, духота страшная – настоящее адское пекло. В то время даже вытяжной вентиляции не было. Случаи обмороков, тепловых ударов – сплошь и рядом. Поэтому летом в особо жаркие дни у цеха постоянно дежурила карета скорой помощи... Разогрев печек был на мазуте. Мазут плохой – по всему цеху гарь... в воздухе окалина. Вот чем мы дышали». В тот злополучный день перед началом смены прокатчики получили расчетные книжки с данными по зарплате за февраль месяц. Вместо обычных 150 - 160 рублей они увидели 70 – 90 рублей. Разгневанные рабочие отказались работать. За те два часа, что они сидели без дела, в цех понаехали партийные, советские и заводские начальники, а также вездесущие чекисты. Проблему решили в полном соответствии с духом времени: «по - тихому» в разы увеличили заработную плату прокатчикам, уволили начальника цеха И.И.Жданова, не опубликовали ни слова о забастовке СМИ.

Аналогичная история произошла в листопрокатном цехе - 1 в феврале 1968 года. Также как три года назад в ЛПЦ № 2, прокатчики из ЛПЦ № 1 возмутились неоправданно низкой заработной платой за предыдущий месяц. За разговорами – переговорами с администрацией цеха и завода почти сутки простояли прокатные станы. О результатах забастовки вспоминал бывший мастер ЛПЦ № 1 В.И.Михайлов: «Что с зарплатой? Чего добились прокатчики? На какое – то время она была слегка повышена, на летний период

стали понижать нормы выработки на 10-15%. Должен заметить, что последние десятилетие – полтора прокатчики трудились на пределе человеческих возможностей! О роли коммунистов в тех событиях сказать нечего... Помалкивали « в тряпочку»!

Случившемуся в листопрокатных цехах не придавали широкой огласки, но соответствующие выводы были сделаны. Руководство минчермета и завода серьезно задумалось о ближайшем будущем предприятия и его техническом переоснащении.

Началом больших изменений в жизни металлургического завода можно считать 11 марта 1965 года, когда Совет Министров СССР утвердил предложения Минчермета и Госстроя СССР о реконструкции ЛМЗ и строительстве цехов горячего и холодного рулонного проката. Это был грандиозный проект, который по значимости мог бы стать равным модернизации завода, проведенной графом П.П.Шуваловым в начале XX века. Однако работа по реконструкции шла долго и трудно. Со временем строительство цеха горячего рулонного проката было исключено из проекта, и 3, 5 тыс. тонн готового оборудования списано в металлолом. Не смотря на невероятные усилия директора завода А.И.Клементьева, графики сдачи, уже только одного цеха холодного рулонного проката (ЦХП), несколько раз отодвигались или откладывались. Далеко не все зависело от энергичного и делового руководителя. Негативные причины, по которым строительство ЦХП было растянуто во времени, носили системный характер и были настолько остры, что в их разрешение вмешивались первые лица государства. В частности, о задержках ввода в действие ЦХП говорил генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев на пленуме ЦК в ноябре 1978 года. Наконец, 19 марта 1984 года были получены первые оцинкованные полосы, а 27 ноября 1984 года в строй вступили обе из запланированных линий. Безусловно, это было важное событие, благодаря которому сотни человек получили рабочие места, а завод хорошую поддержку в трудные 1990-е годы.

К сожалению, после пуска ЦХП не последовало действий, которые придали бы реконструкции завода необратимый характер. Политический и экономический кризис 1980 – 1990 годов поставил точку на дальнейшей реконструкции ЛМЗ.

В период с 1965 по 1985 годы лысьвенцы пережили все издержки перехода на отраслевой, совнархозовский, а позднее и ведомственный принцип управления промышленным производством. Городские руководители, а с ними и хозяйственники, некоторое время находились в состоянии растерянности. Например, они не противились передаче нового оборудования из завода ЖБК-6 в родственное предприятие города Чусового. При этом говорили, что в Чусовом – де надо укреплять жилищно – строительную базу. Лысьвенцы вкладывали деньги в строительство чусовского хлебокомбината и молокозавода, Соликамского ЦБК и Теплогорского завода.. Мало думая о пополнении городского бюджета, лысьвенские руководители согласились на развертывание в Чусовом электрообеспечивающих и газовых межрайонных служб, автоинспекции и т.п. С передачей оборудования, денег и полномочий в соседний город туда, естественно, переходили и рабочие места. Не случайно, вероятно, статистика забастовок 1990-х годов в Чусовом была ниже, чем в Лысьве.

В 1985 году Лысьва отметила свое 200-летие. По этому поводу было проведено много всевозможных мероприятий, собраний, субботников, состоялась научно-практическая конференция. Все мероприятия были предельно идеологизированы. При этом никто из руководителей города и градообразующих предприятий не сделал анализа реального положения дел в городской экономике, сельском хозяйстве, социальной сфере. В парадной шумихе не оказалось места простому гражданину города, его нуждам и проблемам. В отчетах руководителей о «достижениях» и «свершениях» прошедших десятилетий не было слов «о новом мышлении», «гласности», «перестройке», повергших горожан в хаос и бесправие уже в ближайшие годы.

По времени начало горбачевских преобразований и последовавших за ними потрясений глобального масштаба совпало с резким сокращением населения Лысьвы. Молодые лысьвенцы, самая репродуктивная часть населения, мигрировала в другие республики и

области СССР. Предпочтение отдавалось Казахстану и Молдавии. Одной из основных причин отъезда молодежи был недостаток жилья, хотя по объемам капитальных вложений в жилищное строительство с 1985 по 1990 год Лысьва занимала третью позицию в области после Березников и Чайковского (без Перми). За эти годы было освоено 42, 1 миллиона рублей. Вместе с тем, программа «Квартира 2000» к 1990 году была выполнена всего на 70%. Другой причиной была низкая заработная плата. На металлургическом и турбогенераторном заводах в 1980 году ее средний уровень составлял 299 рублей, а в 1990 году – 310 рублей. На чулочно перчаточной фабрике и в пищевой промышленности (мясокомбинат, гормолзавод и др.) в 1980 году средняя зарплата равнялась 155 рублям и 151 рублю, в 1990 году 242 рублям и 256 рублям.

Неудовлетворительным было снабжение продуктами и промышленными товарами. И это было тем более странным, что в 1990 году лысьвенцы были на втором месте в области, после Чайковского, по производству товаров народного потребления на душу населения. На металлургическом заводе на 1 рубль зарплаты на 3 рубля выпускали товаров народного потребления. Это был один из самых высоких показателей в металлургической отрасли.

По-прежнему на столе горожан присутствовали овощи, выращенные собственными руками в коллективных садах. Картофеля стали выращивать меньше по причине отвода бывших картофельных участков под индивидуальное строительство. В результате, к концу 1990-х годов некогда огромные картофельные плантации, окружавшие город со всех сторон, прекратили свое существование. Практически полностью исчезла традиция содержания скота в индивидуальных хозяйствах. поголовье коров, как в индивидуальных, так и коллективных хозяйствах было одним из самых низких в области: в 1985 году – 4,9 тыс. голов, в 1991 году – 5,5 тыс. голов. Некоторое увеличение поголовья коз и овец имело место в начале 2000 – х годов, но через 5-6 лет процесс роста поголовья пошел на убыль.

Тенденция сокращения рождаемости в городе приобрела необратимый характер. Так, в 1970 году родилось 1473, в 1980 году – 1294, в 1990 году – 1040 младенцев.

К моменту развала СССР, т.е. к 1991 году, все население города и района составляло 94 тыс. человек, (против 104, 9 тыс. человек в 1965 году) в т.ч. в городе - 77, 9 тыс. человек. Из них в трудоспособном возрасте пребывало менее 60%, из которых 39% составляли рабочие и служащие. По количеству дипломированных специалистов Лысьва уступала только трем городам области: Березникам, Соликамску и Краснокамску.

Казалось, не успела закончиться реконструкция металлургического завода, как началась реконструкция турбогенераторного завода. Но это было уже другое время, известное как горбачевская «перестройка». Подобно многим в стране, лысьвенцы пережили эйфорию от либерально - социалистических речей главного «перестройщика» М.С.Горбачева, а потом горечь от развала СССР, организованного тремя беловежскими переговорщиками.

В отличие от металлургов, получавших деньги на реконструкцию в плановом порядке, эклетромашиностроителям приходилось все делать самим: искать деньги и отрабатывать новую схему производства. Они уже не могли себе позволить закупить дорогостоящее оборудование, гноить его под открытым небом, а потом выбросить в металлолом, как это было с оборудованием для ЛПЦ ЛМЗ. Экономить приходилось на всем. В первую очередь на расходах на социальную сферу. Было заморожено финансирование строительства жилья, прекратились работы на возведении нового корпуса в заводском профилактории. Упала заработная плата работников. Заводчанам приходилось одновременно строить новые производственные площади и разрабатывать техническую документацию, искать инвесторов и иностранных партнеров, учиться работать по-новому. Ставка была сделана на производство тяговых генераторов ГС-501 для тепловозостроителей и очень сложных технических систем под названием энергетические установки для нефте- и газодобывающей промышленности. Классные специалисты, квалифицированные рабочие становились плотниками, бетонщиками, каменщиками.

Выбирать было не из чего: или завод выживет, или обанкротится, благо, к нему уже приглядывались столичные коммивояжеры. Идеология реконструкции предприятия была необыкновенно сложной: сделать выпускаемую продукцию конкурентно способной. На этом стояли директор завода В.С.Тетюев и его команда.

Социально - экономический кризис, породивший «перестройку», неуклонно перерастал в кризис всей советской системы. Как и повсюду в стране, в Лысьве исчезли продовольственные товары, тысячи людей остались без работы, а те, что продолжали трудиться, получали гроши. В 1990 году по Лысьве прокатилась волна забастовок. По накалу страстей и по количеству участников они были не столь масштабны, как в Кизеле, Гремячинске или Губахе, но все же не походили на сидячую забастовку жестепрокатчиков двадцатипятилетней давности. В забастовках рядом с рабочими участвовали врачи, учителя, работники культуры. Публичные протесты мало чем помогли, разве что выплеснули негативные эмоции. Представители власти и работодатели были бессильны что – либо изменить. На заводских складах скопились горы готовой продукции. Заказчики отказывались ее покупать. Невыгодно стало торговать с границей. Денег в заводских кассах не было, поэтому с рабочими рассчитывались готовой продукцией. Между производителями страны стал налаживаться натуральный товарообмен, называемый «бартером». «Валютой» металлургов стала эмалированная посуда и пищевая жесть. Её меняли на консервы. Потом консервными банками и посудой выдавали зарплату рабочим. У электромашиностроителей на «бартер» шли электрические утюги и электровафельницы. Текстильщики выставляли на обмен чулки, носки, перчатки, варежки и колготки. Хуже всех было врачам и учителям. Им обменивать было нечего. Задержки заработной платы учителям достигали шести месяцев.

Очень трудно пережили лысьвенцы последнее десятилетие XX века. В 1995 – 1996 году Лысьва была в первой десятке городов Пермской области по числу безработных. Скороспелые реформы, приватизация «любыми путями», «шоковая терапия», ваучеризация обернулись тотальным обнищанием, невероятно высоким ростом стоимости жизни для одних и стремительным обогащением для других.

Рассчитывать на себя и свои силы умели очень немногие. По-прежнему надежда на лучшую жизнь была связана с «властью» и «начальниками» - они-де не дадут погибнуть. Среди рабочих металлургического завода бытовало мнение: «Завод велик и перестройки – реформы обойдут его стороной». Сомнение во всемогуществе власти и начальников появилось с началом реструктуризации производства ЛМЗ. Рабочие видели, что не сокращается безработица и вынужденные отпуска, не растет зарплата, тогда как зарплаты одних начальников непомерно велики, другие спекулируют готовой продукцией, третьи прокручивают деньги в коммерческих структурах и т.п. Обстановка на рынке труда складывалась критическая. В 3-4 раза выросла цена на муку, хлеб, соль, в 2-3 раза на мучные изделия и т.д. Потребительская корзина, состоявшая из 19 основных продуктов, в декабре 1995 году стоила 222 тыс. руб. На питание шло около 70% заработной платы. Неуклонно росли цены на мебель, одежду, школьные принадлежности, коммунальные услуги. К самой низкооплачиваемой категории населения относились работники сельского хозяйства (126 тыс. руб.) и образования (252 тыс. руб.). К наиболее высокооплачиваемым относились работники аппарата управления – 644 тыс. руб.

Конец советской власти и запрет коммунистической партии лысьвенцы встретили достаточно спокойно. Хотя, разумеется, были и те, кто воспринимал это как величайшую трагедию. Некоторые представители старшего поколения, верные коммунистическим идеям, вступили во вновь созданную КППРФ. Популярностью у горожан новая партия не пользовалась в силу серьезных разногласий внутри городской организации, а также потому, что лысьвенцы пресытились демагогией коммунистических боссов всех уровней. Проправительственную партию «Наш дом Россия» во время выборов президента Б.Н.Ельцина поддерживали в основном хозяйственные руководители, но как только позиции партии ослабли, руководители дружно перешли под знамена «Единой России».

Со временем «единороссы» пришли ко всем ключевым постам в городе. Позиционирования «Единой России» в Лысьве не составила ни одна партия: ни коммунисты, ни либеральные демократы, ни кто – то еще. Это был признак малой политической культуры и социальной апатии населения. Вероятно, с годами это пройдет. Вырастет новое поколение лысьвенцев, которое будет знать о социализме только из учебников. Для них будет естественен политический плюрализм, уважение чужого мнения и веры, они будут чтить Закон.

...А пока Лысьва живет не простой жизнью: не хватает жилья, мала зарплата, есть страх потерять работу, но... Во второй половине июля 2005 года группа лысьвенских альпинистов совершила восхождение на безымянную высоту 3704 метра на Алтае. Высоте дали имя «Лысьва». Символичное событие!

Использованная литература

- 1) В буднях великих строек. Сборник документов и материалов. Пермское кн. изд-во. - Пермь, 1977.
- 2) Г.П. Рычкова. Лысьва. Страницы истории Лысьвенской большевистской организации. Перм. кн. изд-во. - Пермь, 1963.
- 3) Г.Н. Чагин, А.В. Черных. Народы Прикамья. Очерки этнокультурного развития в XIX – XX в.в. Пермь, 2002
- 4) Г.Н. Чагин. Этнокультурная история Среднего Урала в конце ХУП - первой половине XIX века. Изд-во Пермского университета. - Пермь, 1995.
- 4) Г.Н. Чагин. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1999
- 5) Г.Н. Чагин. Народы и культура Урала в XIX – XX вв. изд-во «Сократ». - Екатеринбург, 2002.
- 6) Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Изд-во «Уральский рабочий». Екатеринбург, 2000
- 7) А.Ф. Васильев. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. изд-во «Наука». М., 1982
- 8) Народное хозяйство Пермской области за годы советской власти. Статистический сборник. Перм. кн. изд-во, - Пермь, 1967.
- 9) Народное хозяйство Пермской области в 1986 – 1990 г.г. Статистический сборник. ч.1. Социальное развитие. Пермь, 1991.
- 10) Народное хозяйство Пермской области в 1986 – 1990 г.г. Статистический сборник. ч.2. Материальное производство. Пермь, 1991
- 11) Пермская область накануне Великой Отечественной войны. Сборник документов. - Пермь, 2005.
- 12) История промышленности Пермского края. XX век. Изд-во «Литер-А», Пермь, -2006.
- 13) Пермская область: Очерк социально – экономического развития. М.Н. Степанов и др., Перм. кн. изд-во. - Пермь, 1988.
- 14) Урал на рубеже веков. Проблемы и прогнозы социально экономического развития. «Экономика», М., 1999.
- 15) Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Сборник статей. Пермское кн. изд-во. - Пермь, 1965.
- 16) Из истории заводов и фабрик Урала. Сборник статей. Выпуск 2. Свердловское кн. изд-во, 1963.
- 17) История коллективизации сельского хозяйства Урала. (1927 - 1937). Сборник документов и материалов. Перм. кн. изд-во. - Пермь, 1983.
- 18) Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук. Строгановские городки, острожки, села. Изд-во «Книжный мир», - Пермь, 2005.
- 19) Н.А. Прейс. Пятьдесят на стройке. Воспоминания. Лысьва. 1981. (Рукопись).
- 20) И.С. Капцугович. Книга для чтения по истории Прикамья. Перм. кн. изд-во, 1884.

- 21) Материалы научно-практической конференции, посвященной 200-летию Лысьвы 22 апреля 1985 года. Лысьва, 1985
- 22) Материалы Лысьвенского городского архива.
- 23) Материалы муниципального краеведческого музея.

**Фотографии из фондов городского архива, муниципального музея,
личных архивов жителей города**

1845 год. Панорама Лысьвенского чугунно-плавильного завода и посёлка

1910 г. Вид на современную ул. Коммунаров

Улица Шувалова. Вид на Свято-Троицкую церковь

1903 г. Строительство художественно-ремесленного училища

ул. Шувалова

Вид на город с колокольни церкви Святой Троицы

Узкоколейка, соединяющая завод с деревянными складами на «Мысу»

1890-е г. Жилой дом ведущих специалистов металлургического завода (ныне музей)

Флигель дома купца Ярославцева

1903 г. Подготовка площадки для строительства нового цеха ЛМЗ

1904 г. Дед и внук Петры Афонасьевичи Ярославцевы

Свадьба дочери купца А. П. Ярославцева Лидии (в центре) и Александра Пшеницына

Дочери купца А. П. Ярославцева

Купец И. А. Шилов с женой Екатериной Семёновной и сыновьями Павлом и Василием

Е. С. Шилова и В. Е. Чудинова, модистка из Большой Лысьвы

Праздничное застолье. В центре купец И. А. Шилов, священник Михаил Добротворский и фельдшер А. П. Рождественский

Семья конторского служащего М. М. Перевозкина
Слева направо А. А. Перевозкина, М. М. Перевозкин, дочери Анна и Александра,
учитель детей Жиганов, сын Александр

1910 год. Кирпичный завод в районе бывшей деревни Паньша

1914 год. Здание конторы Лысьвенского горного округа

1914 год. Здание конторы Лысьвенского горного округа, разрушенного лысьвенцами во время бунта

1914–1915 г.г. Семья рабочего прокатного цеха Ивана Алексеевича Звягина (верхний ряд крайний справа)

С. К. Сибирякова (Вурм),
одна из основательниц лысьвенской детской музыкальной школы

1918 г. Выпускные классы лысьвенской прогимназии

1927 г. Кузнец инструментального цеха А. П. Рачёв (справа) на срочной службе в г. Перми

1929 год. Начало мощения проезжей части ул. Революции

1905 год. Северная часть города «Сахалин»

1927 год. Базарный день в Лысьве на площади Революции

1928 год. Кинотеатр «Триумф». Бывший дом купца Чашина.
С 1941 года цех чулочно-перчаточной фабрики

1910 год. Вид на дровяные склады на «Мысу»

1925 год. Подвозка дров от дровяных складов в завод по узкоколейке между домом хозяев завода (графский дом) и прудом

Начало строительство дворца культуры и улицы Ленина

1927 год. Заведующие избачами-читальнями и Красными уголками

Начало 1930 годов. Технический посёлок. Вид со стороны железнодорожного вокзала

1931 г. Первомайская демонстрация на площади Революции

Митинг на Катаевом Угоре, посвящённый 25-летию РКП(б). В центре Г. М. Жданов

Рабочий в день зарплаты на ул. Коммунаров

1928 г. «Пьяная касса», установленная у заводской проходной для выдачи зарплаты пьяницам, лодырям и прогульщикам

1928 г. В. Ф. Мальцев, руководитель городского театрального самодеятельного коллектива

1929 г. Театр ТРАМ. Сцена из спектакля самодеятельных актёров, посвящённая революционным матросам

1930-е г. Городской пейзаж с колокольни церкви Святой Троицы

1928 г. Участники сессии горсовета в перерыве между заседаниями

1930-е г. Образцовая рабочая столовая

1930 г. Лавка сапожника и табачная лавка

1930-е г. Ул. Революции

1930 г. Дом И. А. Звягина. Типичная для коренных лысьвенцев жилая постройка

1932 год. Левая сторона улицы Ленина.

1935 г. Дворец культуры ЛМЗ. Самодеятельный театральный коллектив .
Сцена из спектакля А. Арбузова «Дальняя дорога»,
посвящённого строительству московского метрополитена.

1936 г. Группа девушек выпускниц дошкольных работников

1937 г. Бригада членов ОСАВИАХИМ в составе:
Рачёв, Сивков, Постников, Власов. Чирков, Швецов, Зубов, Теплоухов, Кучеренко

1944 г. Здание Лысьвенского горисполкома, горкомов КПСС и ВЛКСМ

1947 г. Работницы металлургического завода, подруги-соседки с несуществующей ныне ул. Пеньковской

Лысьвенский главпочтамт. Постройка 1934 г.

1950 г. Закладка сквера около клуба «Октябрь»

1950-е г. Предположительно этот дом принадлежал Г. М. Жданову

1950-е г. Инструментальный оркестр кинотеатра «Родина»

1953 год. ул. Сталина (Мира). На переднем плане детская поликлиника (бывший дом Охлопковой)

Конец 50-х годов. Один из т.н. «коттеджей», домов, построенных для пленных австро-венгерских офицеров в 1915-1916 г.г.

1960-е г. «ТИП-512». Казарма постройки 1915-1916 г.г.

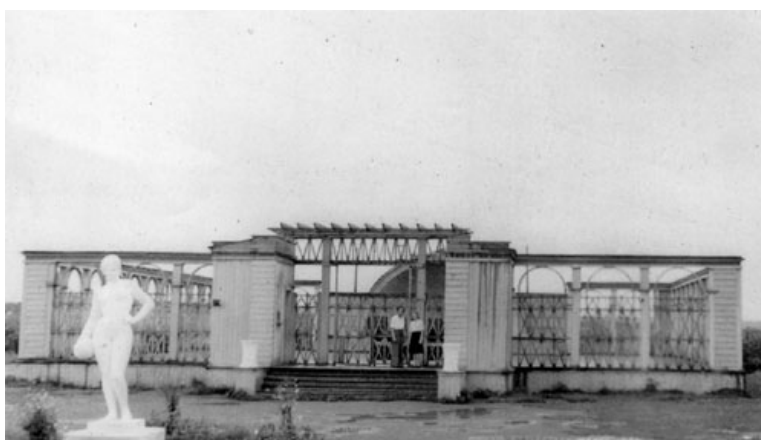
1960-е г. Вход в парк

1960-е г. Кафе в парке

1954 г. Ротонда в парке

1960-е г. Танцплощадка в парке

1960-е г. Угол ул. Мира и Федосеева.
Здание Лысьвенского комитета РСДРП(б) и комитета ССРМ

1947 г. Вход в центральную аллею парка

1950-е г. Центральный вход на территорию дома отдыха «Сокол» со стороны пристани городского пруда.

Вернисаж лысьвенских самодеятельных художников. В центре художник Сергей Голышев

Леонард Пайю, известный лысьвенский художник

1980-е г. Профилакторий-санаторий металлургического завода «Зорька»